

В.В.Мурашева

СУПРУТСКИЙ КЛАД

Из раскопок 1969 г.

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Выпуск 175

Серия «Публикация одного памятника»

В.В.Мурашева

СУПРУТСКИЙ КЛАД

Из раскопок 1969 г.

Москва

2008

Печатается по решению Ученого совета ГИМ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук *Н.И.Асташова, Н.Г.Недошивина*

Мурашева В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. Труды ГИМ. М., 2008. Вып.175. 48 с. С ил.

Работа посвящена публикации и анализу клада X в., найденного на городище Супруты (Тульская область). Клад относится к начальному периоду русской истории. Публикуемый комплекс – уникальный для этого времени всаднический клад, он включает удила и псалии, накладки на седло, украшения узды, воинского пояса. В составе клада отразились сложные этнокультурные и политические процессы, связанные с освоением Донского речного пути в эпоху образования Древнерусского государства.

Для специалистов по древнерусской истории, искусствоведов, любителей древностей.

Введение

Городище Супруты* расположено на высоком мысу правого берега р. Упы, в 50 км к югу от Тулы, недалеко от с. Супруты Щекинского района Тульской области. Памятник является многослойным и содержит слои верхнеокской, мощинской, роменской культур и XII–XIII вв. (Григорьев, 2002. С.214–217). Начиная с 1950-х годов XX в., памятник исследовался Тульской Археологической экспедицией исторического факультета МГУ под руководством С.А.Изюмовой. В 1996 г. материалы из раскопок поступили в ГИМ. Доследование нераскопанных участков культурного слоя было проведено А.В.Шековым (1995–1996) и А.В.Григорьевым (1999–2002).

Клад, которому посвящена настоящая работа, происходит из горизонта, связанного с роменской культурой. Поселок роменского времени занял укрепленную площадку городища мощинской культуры площадью 0,6 га. Поселение погибло внезапно, в результате военного набега, что и объясняет необычайную насыщенность культурного слоя разнообразными находками, среди которых встречаются даже котлы, сковородки, сельскохозяйственные орудия, т.е. крупные предметы, обычно никогда не сохраняющиеся в составе культурного слоя поселений. В результате многолетних раскопок была собрана богатейшая коллекция артефактов. Своеобразие коллекции обусловлено уникальным сочетанием в ней предметов славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения. К сожалению, материалы раскопок городища Супруты до настоящего времени недостаточно обработаны и введены в научный оборот лишь фрагментарно (Изюмова, 1983; 1989; 1998; 2002; Воронцова, 2002; Мурашева, 2002; Григорьев, 2003б; 2005).

Феномен памятника, очевидно, вызван как его расположением на границе сфер влияния варяжских

князей и Хазарии (проходила в бассейне Оки... – Леонтьев, 1996. С.209; Петрухин, 2001. С.139), так и вхождением в систему Донского речного пути (Григорьев, 2000. С.211). На ранних этапах поступления арабского серебра в Восточную Европу Донской речной путь (наряду с Волжским и с путем по Северскому Донцу) играл важнейшую роль (Кропоткин, 1978. С.111–113; Калинина, 1986. С.80).

Поселение относится к раннему этапу заселения славянами бассейна р. Упы. А.В.Григорьев выделяет группу памятников этого региона, система расположения которых, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что основной целью освоения территорий был контроль над речными путями. Поселения расположены в отрыве друг от друга (на расстоянии 20–40 км), не образуя каких-либо «гнезд», и связаны с главными реками региона (рис.1). Именно р. Упа, вероятно, была связующим звеном между бассейнами рек Оки и Дона (Григорьев, 2003а. С.49–51). Функционирование этого участка пути подтверждается удивительно большой концентрацией кладов IX в. в бассейне р. Упы (Григорьев, 2003а. С.50, 51).

Столь целенаправленное и осмысленное создание поселений, контролирующих важнейшую территорию, связывающую Донскую и Волжскую водные системы, можно объяснить лишь вполне осознанной политикой. Кто мог проводить подобную политику? Ряд признаков говорит о том, что заселение бассейна р. Упы происходило с территории роменской культуры, роменцы же (северяне) входили в систему государственной структуры Хазарского каганата (Григорьев, 2000. С.176, 177). Вне зависимости от изменявшихся со временем форм подчинения роменцев Хазарии (по мнению А.В.Григорьева, в начале IX в. система наместничества сменяется системой государственного денежного налога. – Григорьев, 2000. С.181, 182), торго-

* Подготовка рукописи к печати выполнена при поддержке РГНФ, грант 08-01-00448а.

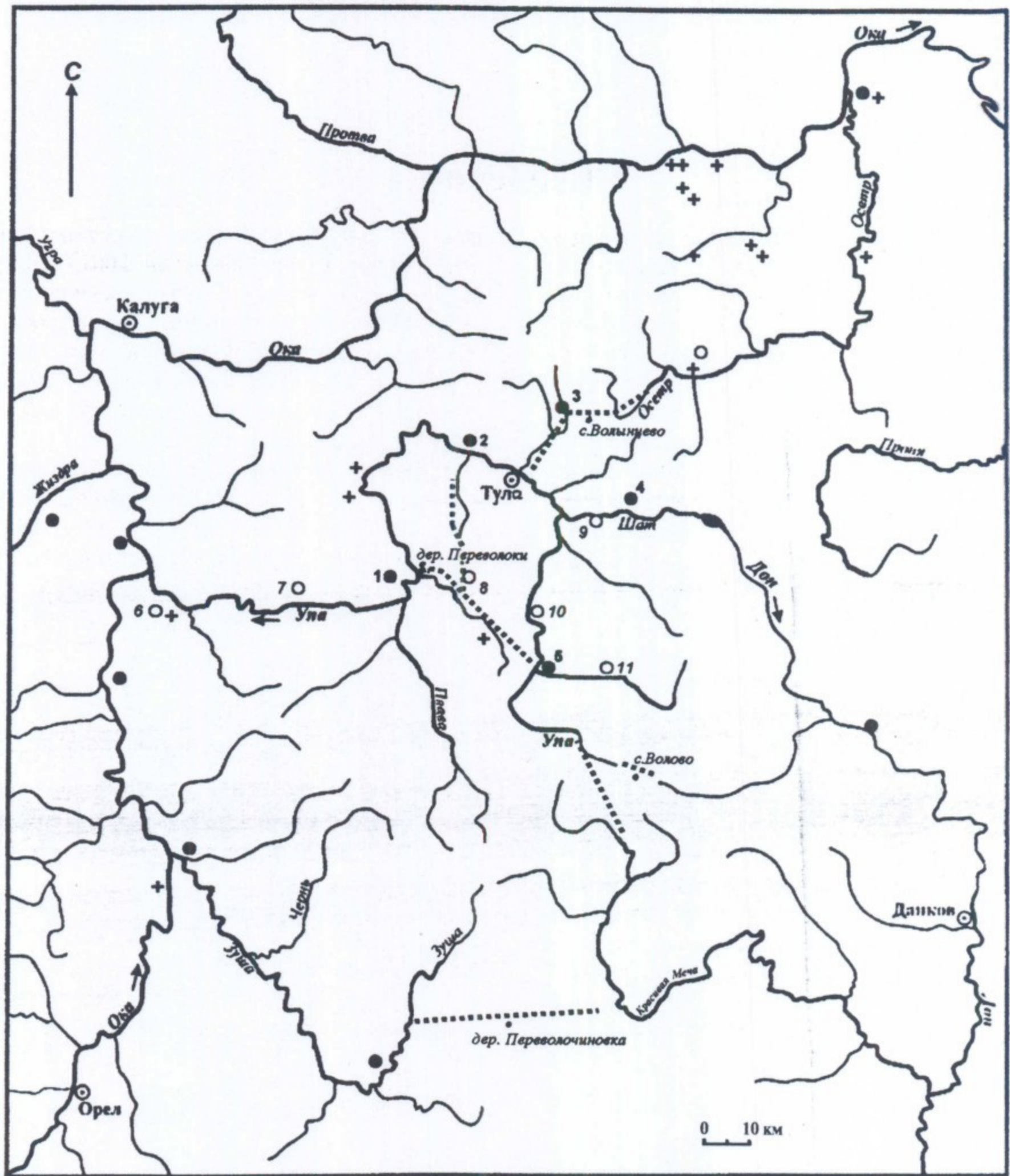

Рис. 1. Ранние славянские поселения бассейна р. Упы (по: Григорьев, 2003а):

1 – Супруты; 2 – Щепилово; 3 – Торхово; 4 – Слободка; 5 – Уткино; 6 – Мишнево; 7 – Снедка; 8 – Майский; 9 – Новое Село; 10 – Бутырки; 11 – Чифировка

Условные обозначения:

● – поселения, отнесенные к раннему периоду; ○ – поселения, отнесенные к раннему периоду условно; + – клады IX в.;
 – возможные волоки

вый обмен должен был находиться под контролем Хазарского каганата. Таким образом, не отрицая существенной роли славянского населения в процессе освоения важного участка Донского водного пути, можно предполагать и определенную роль в этом процессе Хазарского государства.

Супруты, однако, играли совершенно особую роль в системе поселений бассейна р. Упы. Расположение поселения в центре территории позволяло контролировать все ответвления торгового пути. Находки весов и гирек, высокая концентрация изделий из драгоценных металлов, многочисленные предметы вооружения указывают на особый статус жителей поселка (Григорьев, 2003а. С.52). Отличает Супруты от других поселений региона и обилие находок скандинавского происхождения. Именно эти находки особенно важны для реконструкции исторических процессов, происходивших в регионе, и для интерпретации самого памятника. Очевидно, что поселок был основан носителями роменской культуры (возможно, под эгидой Хазарского каганата) и выходцы из Скандинавии не были первыми жителями поселка. Представляется, что материалы Супрутского городища – яркая иллюстрация к процессу установления викингами контроля над важнейшими речными путями Восточной Европы. Можно предположить, что варяжская дружина занимает ключевой пункт инфраструктуры этого участка пути, вероятно, превращая его и в административный центр, и в пункт сбора дани. К сожалению, до полной обработки всех материалов памятника невозможно предложить никаких датировок этих гипотетических процессов.

Две точки зрения высказывались по поводу времени гибели городища Супруты. Первое мнение принадлежит основной исследовательнице памятника – С.А.Изюмовой, которая считает, что Супруты были разгромлены Святославом в 964 г., во время похода на вятичей (Изюмова, 1983. С.90). А.В.Григорьев удревяет дату гибели городища, его точка зрения основана на анализе материалов ранних поселений бассейна р. Упы, включая нумизматические. Исследователь полагает, что вся система поселений погибла в первые десятилетия X в. в результате военной операции (младшие монеты Супрут и соседнего Щепилова относятся к 903/904 и 905/906 гг. – Григорьев, 2003а. С.52).

Рис.2. Сосуд, в котором был найден клад

Клад, обнаруженный на городище Супруты в 1969 г., – самый богатый из четырех кладов, найденных на памятнике. В его составе отразились сложные политические процессы, происходившие в регионе, он содержит предметы северного, древнескандинавского происхождения и вещи, относящиеся к кругу салтово-маяцких (хазарских) древностей. В 2002 г. клад был опубликован С.А.Изюмовой (Изюмова, 2002. С.88–108), однако его источниковедческие возможности не были полностью исчерпаны, что позволяет вернуться к этой теме.

Клад был найден под развалом очага, который был растащен плугом, лежал на глубине 25–35 см и состоял из мелких, закопченных камней известняка. Под камнями, на глубине 52–65 см был обнаружен лепной горшок (рис.2) с защипами по краю венчика. Внутри сосуда был найден набор предметов в следующей последовательности: сверху находились удила с псалиями, далее последовательно лежали круглые бляшки из тонкого серебряного листа, затем – набор разных по форме, очень тонких серебряных пластинок со сквозными дырочками, маленькие серебряные скорлупки и две пряжки из медного сплава. В нижней части сосуда лежали детали серебряной ременной гарнитуры (Изюмова, 2002. С.88, 89).

Состав клада

В состав клада входил набор престижных украшений, связанных с воином-всадником (удила с псалями, уздечные накладки, поясные бляшки и набор вырезанных из тонкого серебряного листа небольших пластинок, которые можно интерпретировать по венгерским и южноуральским аналогиям как накладки на луку́ седла). Сам по себе состав клада по-своему уникален: ни на территории Древней Руси, ни в Северной Европе IX – начала XI в. клады не содержат подобного набора предметов. Исключение составляет клад X в. из Ворбю (Швеция), содержащий ременные украшения (Les Vikings..., 1992. P.79), однако там одна часть ременных бляшек превращена в подвески, а другая имеет специальную петельку для подвесного колечка и, видимо, использовалась как женское украшение, что весьма характерно для скандинавской культуры этой эпохи (Мурашева, 2001. С.154).

Парадный воинский набор характерен скорее для кладов более ранней эпохи: поясные и сбруйные украшения часто являлись составной частью днепровских раннесредневековых кладов VII в. (Гапоново, Хацки, Трубчевск, Колосково и др. – Гавритухин, Обломский, 1996. С.241). Более близким по времени является Фативижский клад (Глуховский район Сумской области), сокрытый во второй половине VIII в. В его состав входят поясная гарнитура и серьги (Козловська, 1928). Исследователи склонны связывать предметы из этого клада с нижнедонским центром Хазарского каганата (Гавритухин, Обломский, 1996. С.136). Однако к интересующему нас историческому периоду, которому принадлежит Супрутский клад (конец IX – начало XII в.) и который принято называть «эпохой образования Древнерусского государства» или (в Северной Европе) «эпохой Викингов», относятся «типологически» лишь два (в данном случае имеется в

виду – по составу): Алексеевский клад и клад 1949 г. из Саркела (Артамонов, 1968. С.54, 55; Макарова, Плетнева, 1983. С.62–77). Алексеевский клад был найден при случайных земляных работах у Алексеевского городища и принадлежал, по мнению Г.Е.Афанасьева, одному из представителей алано-асского населения бассейна Среднего Дона (Афанасьев, 1993. С.46–49). Клад содержал принадлежности воина-всадника: удила, стремяна, навершие плети, богатый сбруйный набор и, вероятно, пояс.

В состав Саркельского клада, который датируется по младшей монете (дирхем 954 г.) серединой X в., входили два ременных набора, ожерелье из сердоликовых бус и дирхемов-подвесок, а также ряд монет. По составу он стоит ближе всего к супрутскому кладу. Эти два комплекса сближает, во-первых, сокрытие предметов в сосудах; во-вторых, наличие пары ременных наборов. Исследователи Саркельского клада Т.И.Макарова и С.А.Плетнева относили накладки к двум воинским поясам, однако полагаю, что один из наборов, состоящий из круглых выпуклых блях, следует интерпретировать как сбруйный. Круглые выпуклые бляхи совершенно не характерны для поясов X в., в то же время именно круглые крупные бляхи были достаточно распространенным типом уздечных украшений на широкой территории от Скандинавии до Венгрии (Müller-Wille, 1976. S.91; The Ancient..., 1996. P.145, 213, 214, 235). Интерпретация одного из наборов как сбруйного еще больше типологически сближает Супрутский и Саркельский клады. Таким образом, Супрутский можно отнести к редкой для рассматриваемой эпохи категории «всаднических» кладов. Очевидно, что подобный набор мог сформироваться лишь в особых, пограничных условиях на территории, испытавшей серьезное влияние степного мира.

Удила и псалии

Среди предметов скандинавского происхождения наиболее яркими являются железные удила с бронзовыми позолоченными псалиями. Удила (рис. 3; I на цветной вклейке) состоят из трех подвижных звеньев, среднее звено оформлено в виде восьмерки и скрыто ребристой бронзовой обоймой. Удила можно отнести к типу V (экземпляры с тремя подвижными звеньями, среднее звено винтообразно перекручено или в виде восьмерки), по классификации А.Н.Кирпичникова. На территории Древней Руси они встречаются в X—XI вв. и имеют северное или северо-западное происхождение (Кирпичников, 1973. С.17). На территории Скандинавии они получают распространение еще с эпохи Вендель, довольно часто встречаются и в эпоху Викингов (Petersen, 1951. S.11—14. Fig.4—7, 9). Среди всех удил этого типа не встречено ни одного, центральное звено которого было бы обтянуто бронзовой обоймой, в этом смысле супрутский экземпляр уникален.

Роскошные бронзовые позолоченные псалии состоят из центрального кольца и двух симметричных фигурных пластин в виде конских или драконьих голов. Шея животного имеет столь крутой изгиб, что открытая пасть и челка касаются внутренней поверхности шеи. Грива показана цепочкой полуovalов, челка — завитком, поверхность шеи разделана плетеным орнаментом, в котором просматриваются зооморфные маски. Центральное кольцо разделено на три части выпуклой треугольной накладкой, места соединения накладки и кольца оформлены в виде зооморфных масок, центральная часть накладки украшена плетеным орнаментом. Безусловно, псалии являются блестящим образцом произведения ювелирного искусства, выполненного в стиле Борре. Одна из аналогий и единственная, происходящая из комплекса, — это экземпляры из собственно кургана I Борре в Норвегии (рис.4), давшего название всему стилю (Müller-Wille, 1986. S.159. Abb.3,1,4). Однако псалии из Борре несколько другой конструкции — они не имеют центрального кольца, зажимы для ремней крепи-

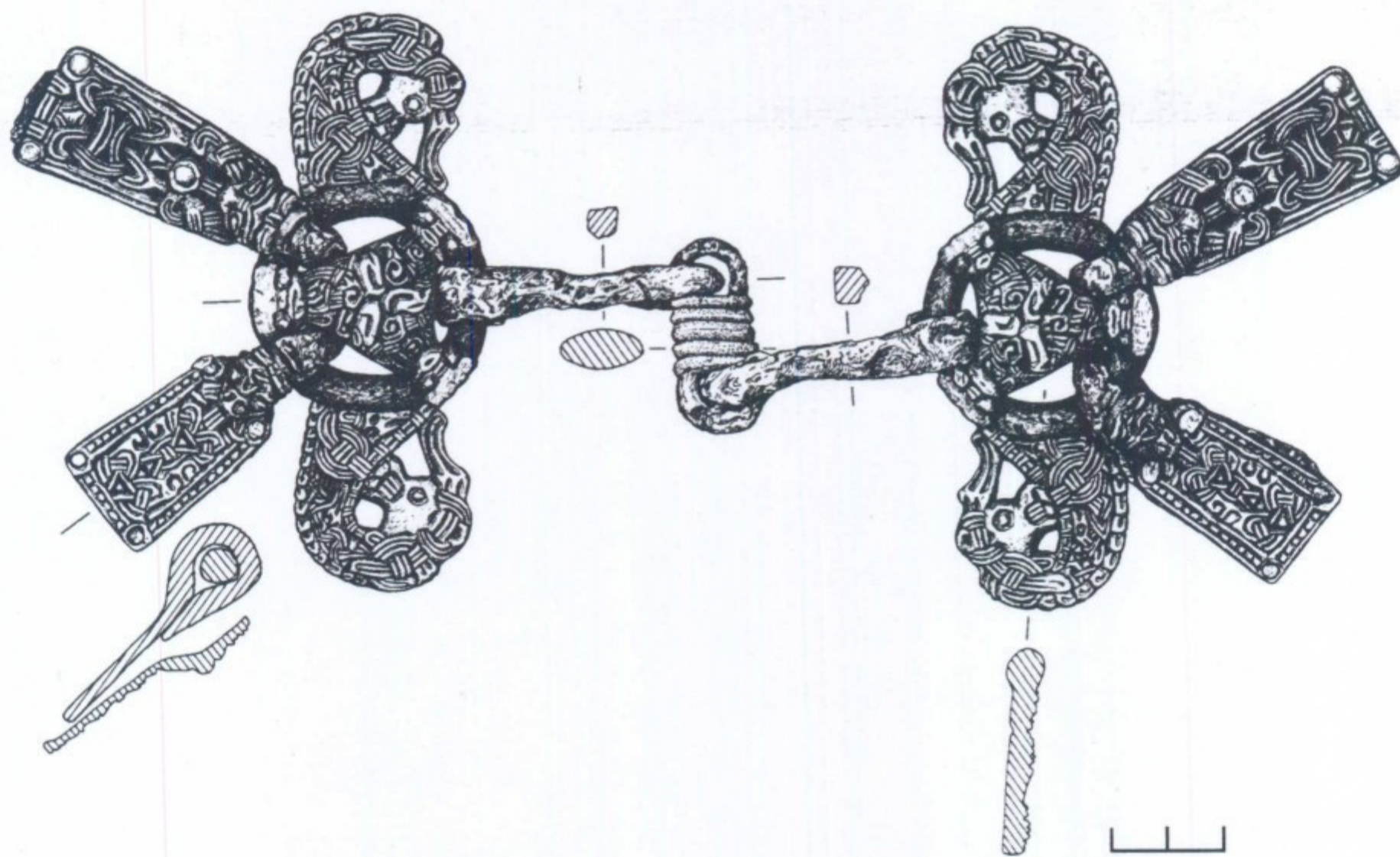

Рис.3. Удила и псалии

Рис.4. Удила и псалии из кургана 1 Борре
(по: Müller-Wille, 1986)

лись к железному кольцу, укрепленному на оборотной стороне псалий. Курган датируется рубежом IX–X вв. (Les Vikings..., 1992. P. 272, 273).

Наиболее близкие аналогии псалиям происходят с острова Готланд (рис.5) (Thunmark-Nylén, 1998. Taf.264, 4–6; 265, 1). Можно указать четыре целых экземпляра и один фрагмент. К сожалению, все они найдены вне комплексов, место находки двух из них неизвестно, третий происходит из Смиттенслунда (район Висбю). Фрагмент псалий вместе с двумя звеньями удил происходит из могильника Смисс (приход Нэр). Еще один экземпляр псалий с сохранившейся обоймой происходит из клада ремесленника из Смисс (приход Эке. — Zachrisson, 1962. S.202. Fig.1,e). Ближе всего к супрутским псалиям стоит экземпляр, место находки которого неизвестно (Thunmark-Nylén, 1998. Taf.264, 4; рис.6,a); совпадает большая часть деталей, а оформление центрального кольца практически идентично. Фрагмент псалий с утраченными фигурными

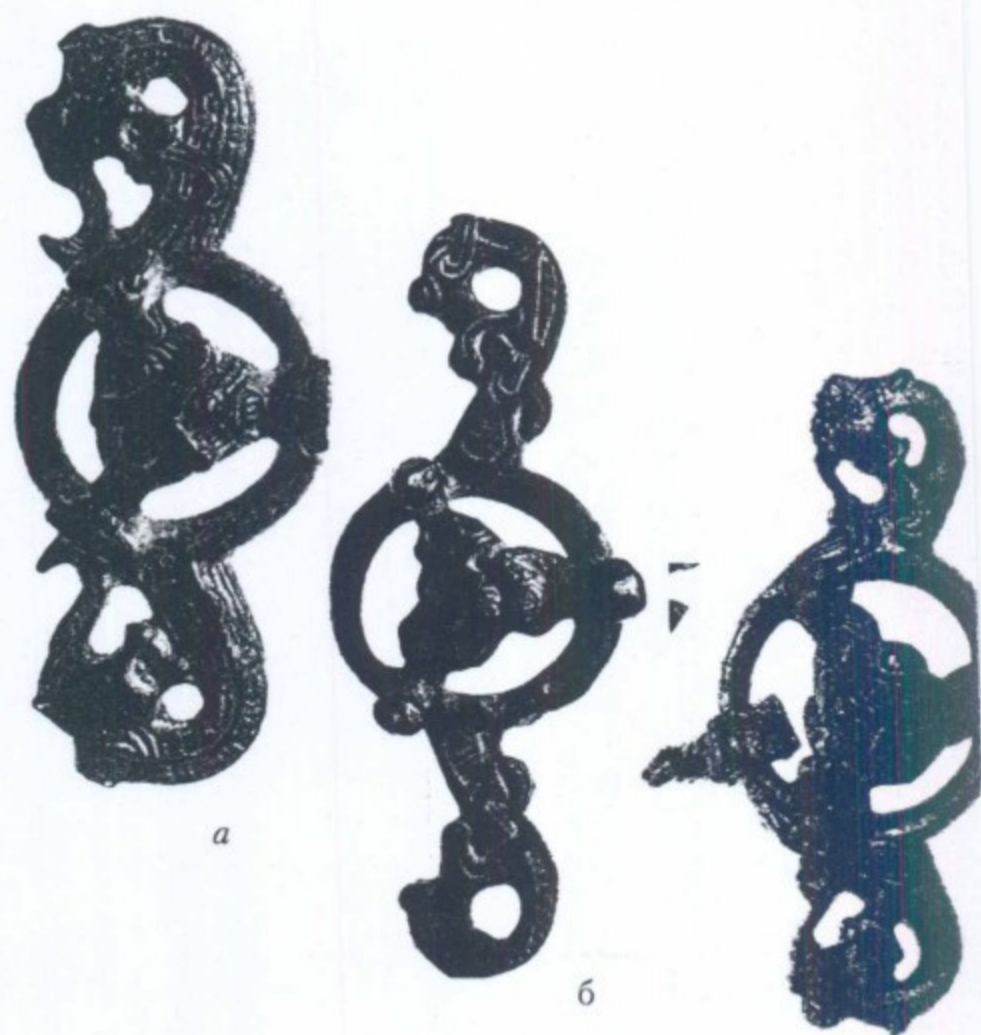

Рис.5 Псалии с о. Готланд (по: Thunmark-Nylén, 1998):
a, б – место находки неизвестно; в – Смиттенслунд

пластинами и центральным кольцом, полностью аналогичным супрутскому экземпляру, хранится в частной коллекции и происходит по легенде и Белоозера (рис.6).

Из всего приведенного ряда псалий супрутский экземпляр украшен наиболее замысловатым и великолепно выполненным орнаментом, превосходящим пышностью даже экземпляр из Борре. Рассмотренные псалии сложно выстроить в стройный типологический ряд, хотя можно высказать несколько предположений относительно эволюции рассматриваемой разновидности псалий. Возможно, экземпляр из Борре является наиболее ранним в силу двух обстоятельств.

Во-первых, конструкция его менее совершенна — кольцо для крепления удил и зажимов для ремней крепилось к задней части фигурной пластины, в то время как у остальных псалий этого ряда оно уже стало частью единой конструкции. Во-вторых, многие детали орнамента разделаны поперечными насечками, имитирующими дра-

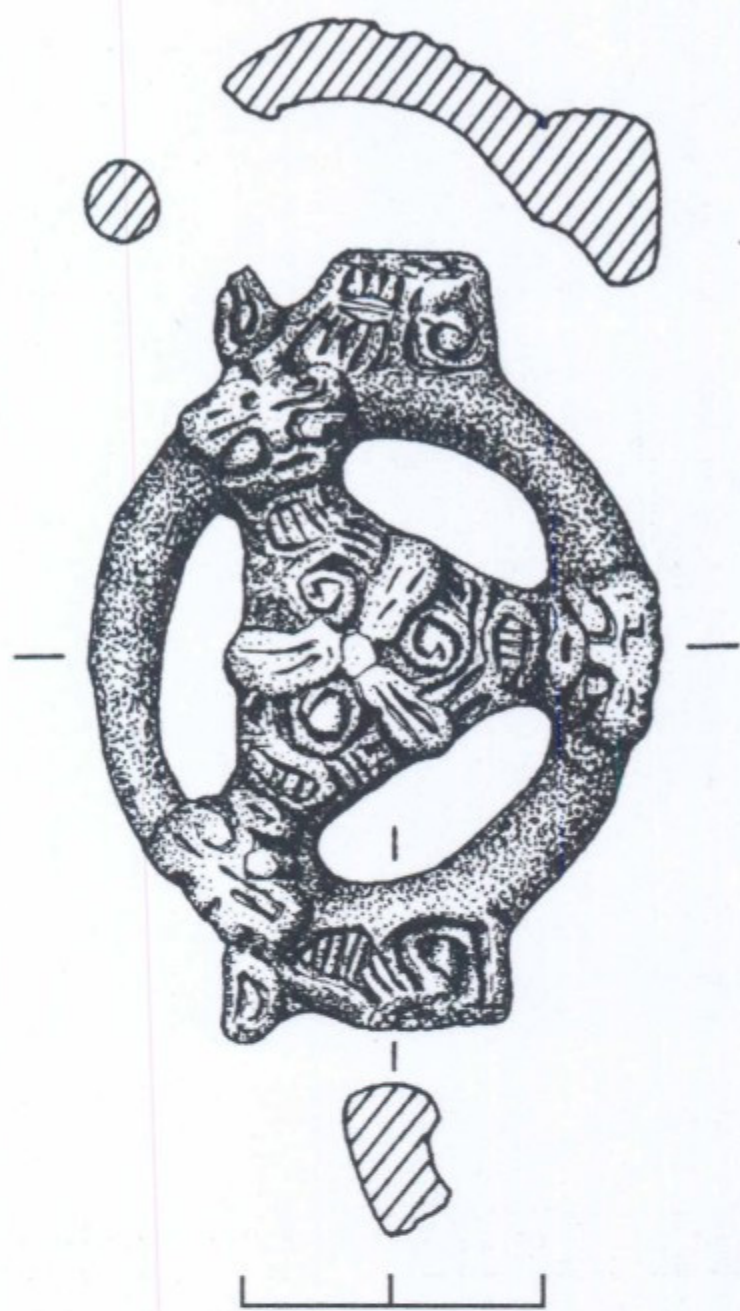

Рис.6. Фрагмент псалий из Белоозера (?)

гоценную «бусинную» проволоку (проволоку с глубокими круговыми насечками), использовавшуюся при филигранной технике. Подобное явление можно назвать «ложной сканью». Не исключено, что «ложная скань» является признаком предметов «ранней» датировки.

Использование скани и зерни для украшения сбруйных и поясных наборов не характерно для эпохи Викингов. В то же время можно отметить использование такой техники для украшения ременных и портупейных накладок в рамках декоративно-прикладного искусства континентальной Европы в эпоху Империи Каролингов (см., например: *Arbman*, 1937. Taf.58, 3; *Lennartsson*, 1999. Taf.10, 4; 20, 1). Ременные украшения, изготовленные в рамках каролингской традиции, найдены на территории Великой Моравии (*Dekan*, 1980. III.111, 113, 116), изредка встреча-

ются они и на территории Скандинавии, например в Норвегии (*Petersen*, 1955. Fig.100c).

Сканно-зерненные портупейные накладки зафиксированы в составе инвентаря ладейно-камерного погребения Хедебю (*Müller-Wille*, 1976. S.100, 101. Abb.44, 45). И.Вамерс, один из исследователей этого уникального комплекса, уверенно относит их к предметам каролингского происхождения (*Wamers*, 1995. P.149). Хотя примеры и немногочисленны, можно предположить, что «ложная скань» являлась «отблеском» нарядных и престижных украшений Каролингской империи, искусство которой оказало заметное влияние на северное искусство эпохи Викингов (*Arbman*, 1937. S.180–214).

Весь набор аналогий супрутским псалиям можно представить в виде эволюционной цепочки (типологического ряда). Вероятнее всего, эволюция формы и декора предметов в рамках рассматриваемой серии шла по линии упрощения и минимализации. В этом случае в начале цепочки должны находиться псалии с «ложно-сканным» орнаментом, вероятно, подражающие изделиям мастеров Каролингской империи (см. рис.5), а завершать ее должен стилизованный и лаконичный экземпляр с острова Готланд (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf.264, 5; рис.6,б).

К центральному кольцу псалий крепилась пара зажимов для ремней повода и оголовья. Зажимы состоят из железной пластины с петлей и бронзовой позолоченной накладки, ремень закреплялся между ними с помощью штифтов. Верхняя часть бронзовых накладок оформлена в виде зооморфных масок, пластины украшены ленточным плетением. Одна пара пластин — ажурная, вторая — непрорезная. Близкая аналогия ажурному зажиму происходит с Рюрикова городища (*Носов*, 1990. С.125. Рис.48, 2). Непрорезной зажим абсолютно идентичен происходящему из погребения 644 (?) Бирки, которое содержит дирхем 920/921 гг. (*Arbman*, 1940. Taf.28,6; 1943. S.221–226). Обе пары зажимов имеют отдаленное сходство с зажимами из Борре (*Müller-Wille*, 1986. S.159. Abb.3,1,7).

На оборотной стороне одного из псалий процарапаны целых три граффити (рис.7). Одно из них представляет собой три треугольника, спле-

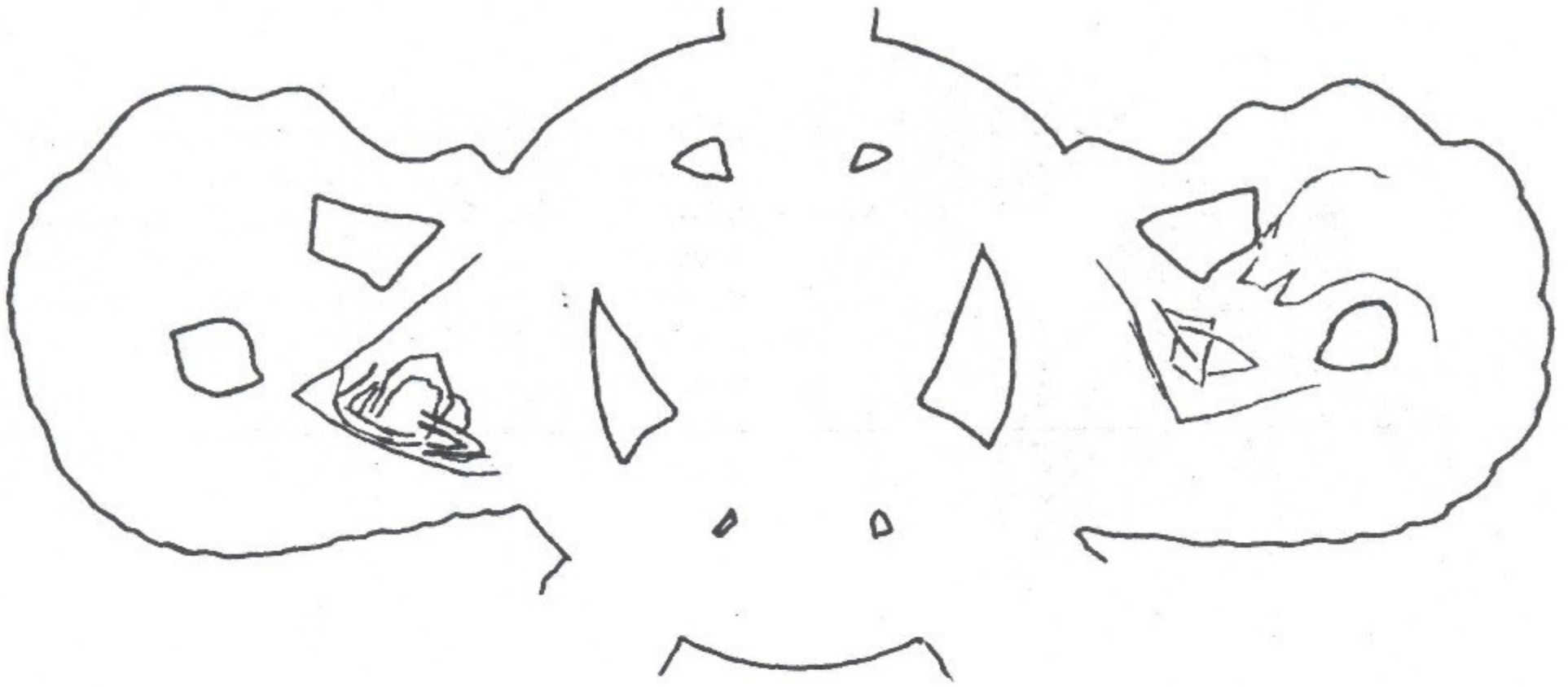

Рис.7. Граффити на оборотной стороне псалий (прорисовка)

тающиеся в узел (рис. II, a на цветной вклейке). При правильном начертании должен получиться узел без начала и конца. Автор граффити в общих чертах передал контур знака, однако грамотно изобразить двойной контур треугольников он не смог. Такой символ, вероятно, был общим для германских племен, этот сакральный или магический знак встречается на англо-саксонских и меровингских монетах VIII в., в X в. тройной узел (*triquetra*) чеканится на норвежских монетах и на некоторых монетах Йорка (*Graham-Campbell*, 1980. P.110). Он изображен и на готландских поминальных камнях VIII–IX вв., где трактуется исследователями как «символ бесконечности» или «узел мертвых» (*Нюлен*, 1979. С.14; *Nylén, Lamm*, 1981. S.62–67). Принято считать, что этот знак можно связывать с Одином — верховным богом скандинавского языческого пантеона (*Ellis Davidson*, 1967. P.125). В нумизматической литературе существует целый спектр трактовок этого символа, включающий, например, такие: изображение каменного сердца великана Хрунгнира, убитого богом Тором, узел без начала и конца, Гордиев узел, символ Святой Троицы (*Scaare*, 1976. P.70). Вряд ли можно при-

близиться к однозначному варианту трактовки этого символа, однако все исследователи согласны с тем, что тройной узел несет определенный религиозно-магический смысл.

Кроме монет и готландских поминальных камней с изображением тройного узла, на территории Северной Европы и Англии встречено некоторое количество предметов с изображением этого знака. Причем эти предметы происходят из всех основных категорий памятников — кладов, погребальных памятников, слоев поселений. Две находки можно указать на территории Дании. Во-первых, тройной узел выгравирован на дне маленькой округлой чаши из клада в Ваалсе (*Vaalse*) (*Scovmand*, 1942. P.96. Fig.20), во-вторых, он вырезан на рукояти ножа из слоя поселения Хедебю (*Westphalen*, 2002. S.151. Abb.67). Предметы, несущие на себе изображение данного магического знака, входят в состав инвентаря двух самых знаменитых и богатых курганов Норвегии: Усеберг, где он нанесен на дно деревянного сосуда (*Christensen og. a.*, 1992. S.112), и Гокстад, где он использован в составе декора ажурного ремennого наконечника (*Les Vikings...*, 1992. P.272).

Тройной узел (с округлыми петлями) изображен на тыльной стороне костяного остря с завершением в виде головы дракона, найденного в Йорке, наиболее изученном городе викингов на территории Англии (*Shetelig, 1948. P.87. Fig.15*). Таким образом, очевидно, что данный магический знак мог быть нанесен на предметы разных категорий и его использование не было связано, скажем, только с погребальной практикой или с сокрытием кладов.

На территории Восточной Европы известны еще два граффити с изображением треугольников, и оба они происходят из Гнёздова. Во-первых, это рисунок на фрагменте оковки рога из кургана Л-47 (раскопки Д.А.Авдусина, 1950 г. — *Авдусин, 1952. Рис.29, 1*). Второй рисунок нанесен на костяной цилиндр со сквозной прорезью неясного назначения (рис.8). Предмет был найден на центральном городище (*Пушкина, 1993. С.61. Рис.4, 10*).

Второе граффити на оборотной стороне супрутских удил представляет собой неясное переплетение линий (рис. II, б на цветной вклейке) — такого рода рисунки на монетах исследователи относят к категории «плетенка», полагая, что они напоминают сложные переплетения лент на рунических камнях и примыкают к кругу военнотружинной символики (*Добровольский и др., 1991. С.66–68. Рис.31*). Складывается впечатление, что автор рисунка хотел также изобразить треугольники Одина, но не справился с задачей, — об этом говорят двойные контуры углов и общая конфигурация композиции.

Третий рисунок — великолепно выполненный одной линией контур головы дракона (рис. II, в на цветной вклейке). Любопытно, что автор использовал неровности поверхности, включив их в свои рисунки, — небольшое углубление (литейная пора?) превратилось в глаз дракона, линии границы между кольцом и фигурной пластиной — в линии, ограничивающие композиции из треугольников. Неодинаковое качество исполнения граффити позволяет предположить, что авторами рисунков были разные люди, возможно, владельцы псалий, о чем говорит, прежде всего, неодинаковый уро-

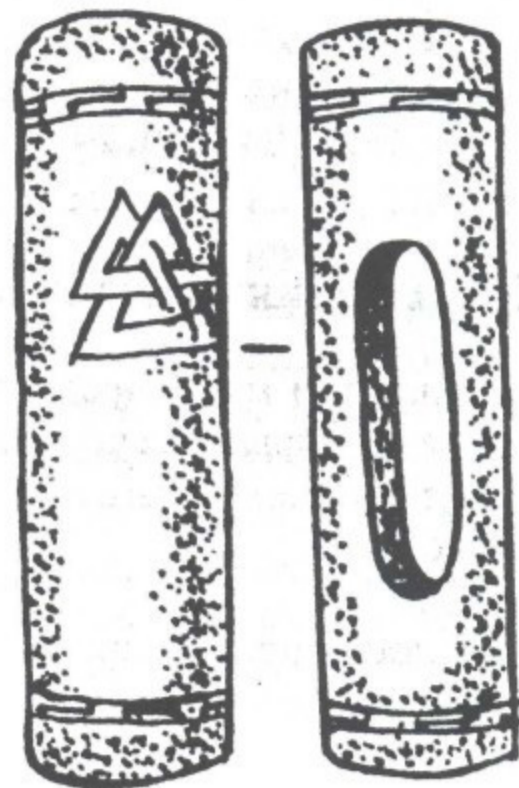

Рис.8. Граффити на костяном цилиндре из Гнёздова (по: *Пушкина, 1993*)

вень владения искусством изображения важного символа. Либо мы видим разные этапы развития мастерства одного человека.

Очень важной представляется находка уздечного зажима из слоя самого Супрутского городища (*Григорьев, 2005. С.81. Рис.33*). Эта находка показывает, что детали престижного конского убора скандинавского происхождения — не уникальная и не случайная находка на Супрутском городище. Можно предположить, что находки маркируют высокий социальный статус представителей варяжского отряда в верховьях Донского речного пути. Зажим из культурного слоя несколько отличается от экземпляров из клада и по конструкции (петля для крепления к кольцу псалиев — цельнолитая с самой трапециевидной накладкой), и по орнаменту (рис. III на цветной вклейке). Накладка представляет собой также блестящий образец предмета, украшенного в стиле Борре. Точную аналогию уздечному зажиму можно указать лишь в составе инвентаря распаханного кургана Тимеевского могильника, раскопанного в 1976 г. (*Дубов, 1982. С.128, 129*)*. На территории Скандина-

* Исследователи датируют комплекс второй половиной X в. (*Дубов, 1982. С.129*). В составе инвентаря того же кургана был обнаружен меч типа Е (по Я.Петерсону; далее — Я.П.). По классификации С.Ю.Каинова, он относится к варианту Е-4 и может быть датирован временем не ранее 920-х годов (*Каинов, 2000. С.57*).

вии морфологически и орнаментально близкие зажимы для узды найдены в составе инвентаря одного из погребений острова Готланд (*Thunmark-Nylén*, 1995. Taf.198b, 20–23).

Украшения оголовья

Ременные накладки можно разделить на две большие группы, которые различаются морфологически, по технологии изготовления и по назначению.

Бляшки с зооморфным орнаментом (44 экземпляра)

Первая группа представлена круглыми накладками двух серий (с изображением птицы и с изображением зеркально-симметричных зооморфных масок). Как отмечалось выше, круглые бляшки служили скорее всего для украшения оголовья. Бляшки изготовлены тиснением из тонкого серебряного листа, их обратная вогнутая сторона залита свинцово-оловянным сплавом (см. Приложение, анализы 48, 49). Орнамент, украшающий бляшки первой серии, нечеткий, различимы лишь изображения небольших зооморфных масок, напоминающих кошачью мордочку с ост-

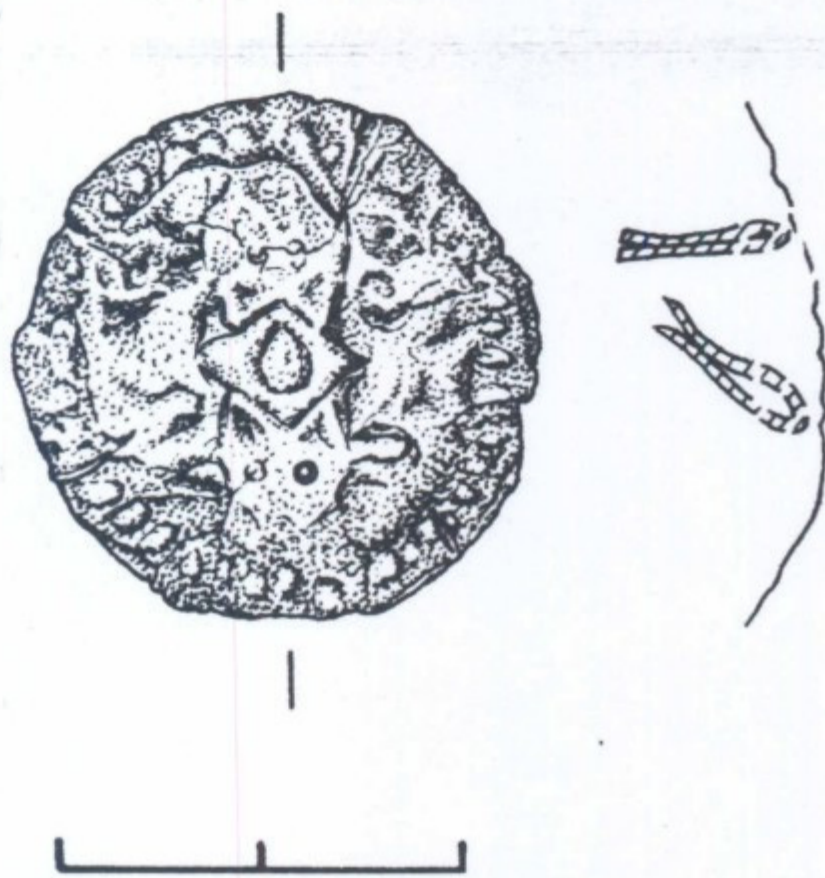

Рис.9. Бляшка оголовья с зооморфным орнаментом

рыми ушами, маски симметричны относительно расположенного в центре круга, вписанного в ромб. По краю их – ободок из крупных нечетких перлов (рис.9; IV на цветной вклейке). Мягкие контуры орнамента с лицевой стороны и большая четкость линий с изнаночной стороны позволяют предполагать, что орнамент наносился с оборотной стороны изделия штампом, имевшим позитивный рисунок, после чего углубленная оборотная сторона заливалась свинцово-оловянным сплавом. В не остывший еще металл, вставлялись две согнутые пополам, узкие металлические полоски, которые служили штифтами для крепления к ремню. Последним этапом изготовления бляшек этой серии было нанесение пуансоном с кольцевидной рабочей частью кружочков глаз на поверхность зооморфных масок. Весьма любопытно, что операция, в отличие от всех остальных, осуществлялась с лицевой стороны и уже готовая свинцово-оловянная заливка использовалась как подушка для чеканки.

Метод заливки свинцово-оловянным сплавом изделия, тисненного из тонкой серебряной фольги, был распространен при изготовлении несложных украшений. Н.В.Ениосова в статье о медной матрице из Гнёздова (*Ениосова*, 1999. С.67–69) приводит подробное описание методов изготовления гвоздиков-розеток, которые широко использовались в качестве накладных деталей фибул, а также для украшения кожаных и деревянных изделий, как в эпоху Викингов, так и в предшествующую эпоху. Один из способов полностью совпадает с техникой изготовления описываемых бляшек.

На территории Восточной Европы подобная технология при изготовлении ременных украшений использовалась не часто, однако такие случаи известны, причем она использовалась именно для изготовления сбруйных накладок (в тех случаях, когда их можно точно атрибутировать). Способ был весьма распространен при изготовлении украшений конских оголовий из древнелитовских памятников (*Куликаускаене*, 1953. С.217). В рамках такой же технологии выполнено оголовье из сопки Чернавино близ Старой Ладogi (*Кирпичников*, 1973. С.25; *Петренко*, 1994. С.90) и из кургана Гульбище.

Особенно интересны в контексте супрутской узды находки с территории древних пруссов. Оголовья коней дружинников Самбии украшались накладками, образцами для которых являлись литые предметы, причем не только ременные украшения, но и фибулы. Исследователь древностей пруссов В.И.Кулаков считает, что применение подобной технологии было весьма логично и оправдано отсутствием практического значения накладок — они играли лишь декоративную роль в погребальном уборе коня, предназначенного для жертвы (Кулаков, Витязь, 2001. С.196). В.И.Кулаков полагает, что традиция изготовления декоративных деталей оголовья из тонкой серебряной фольги зародилась на территории Пруссии в третьей четверти X в. и именно отсюда распространилась на территорию Литвы, где такого рода оголовья можно датировать концом X—XI в.

Однако необходимо отметить, что традиция изготовления ременных украшений из тонкой фольги с заливкой из легкоплавкого металла зафиксирована впервые в раннеаварских памятниках (вторая половина VI—первая половина VII в. — Дайм, 2002. С.288), причем для крепления к ремню использовались штифты из проволоки, вмонтированной в свинцово-оловянную основу (Дайм, 2002. С.301). В VIII—IX вв. украшения (в том числе и ременные), изготовленные в рамках рассматриваемой технологии, а также инструменты для их изготовления найдены на северо-западе Восточной Европы — на Любшанском городище, на городище Камно и в Старой Ладогe (Щеглова, 2004. С.263—271). Основываясь на анализе орнамента, исследователь этой группы украшений О.А.Щеглова приходит к выводу, что на северо-запад этот комплекс приходит из районов распространения раннеславянских памятников Подунавья, Поднестрожья, Побужья и Польши. Появление же «раннеаварской» техники в ювелирном деле восточных славян можно считать результатом взаимного влияния ремесленных традиций (Щеглова, 2004. С.269).

С другой стороны, изделия, в которых металлическая фольга сочетается со свинцово-оловянной заливкой, связаны не только с территорией Подунавья. Накладки, оттиснутые на тонком серебряном листе и заполненные легкоплавким

сплавом, неоднократно зафиксированы на территории Дании. Наиболее ранняя находка уздечных накладок, выполненных в рамках данной технологии, происходит из ладейно-камерного погребения Хедебю (Wamers, 1994. S.24. Abb.21), которое И.Вамерс датирует первой третью IX в. (Wamers, 1995. P.158). К началу X в. относится уздечный набор из ладейного погребения Лэдбю (Thorvildsen, 1957. S.66. Fig.54). Погребение из могильника Стенгаде, содержащее целый набор накладок (Brøndsted, 1936. P.165. Fig.74), Й.Брондстед датирует серединой X в. (Brøndsted, 1936. P.164). Интересно отметить, что накладки из свинца (без использования серебряной фольги) найдены не только в погребениях (Stoumann, Roberts, 1989. S.29), но и в составе культурных слоев поселений (Capelle, 1976. Taf.19, 331—333), что, безусловно, говорит об их использовании в быту, вне ритуального контекста.

Среди древнерусских памятников «дружинного» круга можно указать круглые выпуклые бляшки оголовья из кургана Гульбище, они также оттиснуты из тонкой серебряной фольги и заполнены легкоплавким сплавом (рис.10; V на цветной вклейке). Верхняя поверхность накладок украшена позолотой. Морфологически бляшки из Гульбища ближе всего уздечным на-

Рис.10. Бляшка оголовья из кургана Гульбище (оборотная сторона)

кладкам из Хедебю (*Wamers, 1994. S.24. Abb.21*), где бляшки также украшены радиальными линиями выпуклого орнамента. Курган Гульбище традиционно датируется первой половиной X в. (*Рыбаков, 1949. С.37*).

Необходимо отметить, что способ изготовления ременных украшений тиснением известен и для предметов ременной гарнитуры салтово-маяцкой культуры (в качестве примера можно привести бляшки из Верхнесалтовского могильника. — ГЭ, 1107/222). Очевидно, что для использования такого рода бляшек скорлупку необходимо было заполнять каким-либо наполнителем, однако заполнение не сохранилось. Возможно, для этого также использовался легкоплавкий сплав, однако это лишь гипотеза, так как исследований в этой области не проводилось. В рамках данной культуры тиснение использовалось лишь при изготовлении поясных украшений, но не уздечных.

Исследование техники изготовления деталей конских оголовий кочевников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. также выявило чрезвычайную популярность технологии заливки тонкой скорлупки из медного сплава или серебра легкоплавким сплавом свинца и олова, позволявшей экономить более дорогие металлы (*Конькова, 2006. С.123, 127*).

Таким образом, всё приведенное не позволяет согласиться с утверждением В.И.Кулакова о зарождении этой технологической традиции для изготовления конских оголовий именно на территории Пруссии в третьей четверти X в. Очевидно, что рассматриваемая технологическая схема, на-

чиная с аварского времени, получила довольно широкое распространение на территории Европы.

Нахождение подобных накладок в составе клада, а также в культурном слое поселений не позволяет согласиться и с тем, что они могли использоваться только для погребального убора коня. Возможно, для территории Пруссии это утверждение справедливо и находится в соответствии с особенностями местного погребального обряда, однако за пределы Самбии эти закономерности не распространяются.

Таким образом, очевидно, что рассмотренная технологическая схема, применявшаяся на разных территориях, не может указать на происхождение уздечных накладок из Супрутского клада, основанием же для атрибуции бляшек может служить лишь анализ декора.

Точных аналогий круглым бляшкам с зооморфными масками обнаружить не удалось. Единственный вид накладок, с которым можно обнаружить отдаленное сходство, — это серия бляшек (рис.11), распространенных в основном на острове Готланд (*Ire — Thunmark-Nylén, 1995. Abb.198b; Visby (?), Levide — Thunmark-Nylén, 1998. Taf.267, 7–9*). Несколько экземпляров предположительно входят в состав инвентаря погребения 644 Бирки (*Arbman, 1940. Taf.28, 6*), и один происходит из дер. Арефино Смоленской области (рис. VI на цветной вклейке; ГИМ. Оп.1711/21).

Возможно, прототипом этому редкому типу накладок, характерных для Готланда, послужили бляшки из того же кургана 1 Борре, из которого происходят и рассмотренные выше псалии

Рис.11. Бляшки оголовья с о. Готланд (по: *Thunmark-Nylén, 1995*)

Рис.12. Бляшка оголовья из кургана 1 Борпе
(по: Müller-Wille, 1986)

(рис.12). На это указывает ряд деталей: ободок из перлов и зооморфная маска с круглыми глазами и острой мордочкой (Müller-Wille, 1986. S.159. Abb.3, 2). Таким образом, бляшки из Супрут однозначно можно связывать со скандинавской традицией.

Бляшки с птицами (3 экземпляра)

Бляшки второй серии украшены профильным изображением птицы с длинным пышным хвостом, стоящей перед «древом жизни» — стилизованным растительным побегом. На голове птицы — хохолок, грудь разделана полосками, вероятно, изображающими оперенье. Ободок из округлых перлов стилистически объединяет бляшки с накладками первой серии (рис.13; VII на цветной вклейке). Технология изготовления аналогична вышеописанной. Рисунок более рельефный и за счет этого читается намного лучше. Однако контуры рельефа сглажены, что также позволяет предполагать, что орнамент наносился с изнаночной стороны выпуклым штампом. Совершенно аналогичный орнамент встречается на круглых подвесках из погребений 739 и 1062 Бирки (Arbman, 1940. Taf.95,6,7) и Ц-198 Гнёздова (Путь..., 1996. С.53). Любопытно, что использование женских украшений в качестве моделей для оттиска пластин при изготовлении бляшек оголовья отмечено и для сбруйных наборов древних пруссов (см. выше).

Происхождение сюжета, изображающего птицу, стоящую перед «древом жизни», было по-

дробно рассмотрено еще Т.Арне в книге «Швеция и Восток» (Arne, 1914. P.158–162). Он полагает, что на упомянутых выше подвесках из Бирки изображен павлин, стоящий перед «древом жизни», и возводит этот сюжет еще к сасанидским образцам, показывая его широкое распространение и на Руси, и в Венгрии, и в Скандинавии. И.Янссон (Jansson, 1988. S.582,583), соглашаясь в целом с трактовкой Т.Арне, говорит также о возможных сибирских прототипах (блюдо и кувшин VIII–IX вв. из Копенского чаатаса. — Степи Евразии..., 1981. Рис.29) и указывает аналогии в южноуральских древностях — фигурные накладки в виде птиц, изображенных в профиль, встречены в погребении 15 Старо-Халиловского кургана 6 (Мажитов, 1981. С.102. Рис.55, 12, 14).

У двух бляшек сохранилась свинцово-оловянная заливка, что позволило выяснить ее химический состав (Приложение 1, анализы 48, 49). В одном случае (анализ 49) олово и свинец были взяты в равных долях (46,71% и 46,71%), во втором (анализ 48) преобладал свинец — 54,39%, в то время как олово составляет 29,66%. Можно отметить, что результаты анализов накладных деталей скандинавских фибул демонстрируют широкий диапазон соотношения свинца и олова в сплавах, однако преобладание свинца характерно для более поздней группы фибул (Я.П. 51, 52) (Jansson, 1985. S.108. Fig.95).

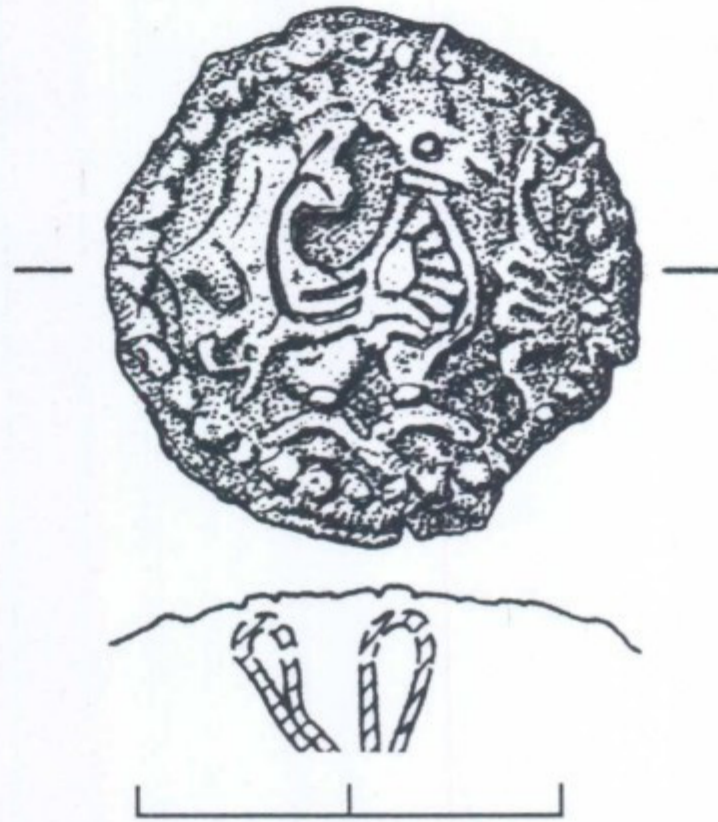

Рис.13. Бляшка оголовья с изображением птицы (прорисовка)

Поясные накладки

Вторая группа накладок относится к украшениям пояса, все они изготовлены путем отливки.

Бляшки с кольцом (61 экземпляр)

Бляшки состоят из округлой пластины с петлей, в которую продето подвесное колечко (рис.14; VIII на цветной вклейке). На оборотной стороне — три штифта-заклепки для крепления к ремню, завершающиеся миниатюрными шайбочками, вырезанными из тонкой серебряной пластины. Изделия являются типичным образцом серийной продукции и изготовлены с использованием первоначальной восковой модели (см.: *Eniosova, Murasheva*, 1999. P.1093–1100; *Мурасева*, 2000. С.10,11). Исследование накладок с помощью бинокулярной лупы показывает, что каждая бляшка отлита в один прием — и сама пластина, и подвижное подвесное кольцо. Многочисленные следы технологических операций, читающиеся на всей большой серии предметов, позволяют предложить полную реконструкцию многоступенчатого и довольно сложного процесса изготовления накладок* (рис.15):

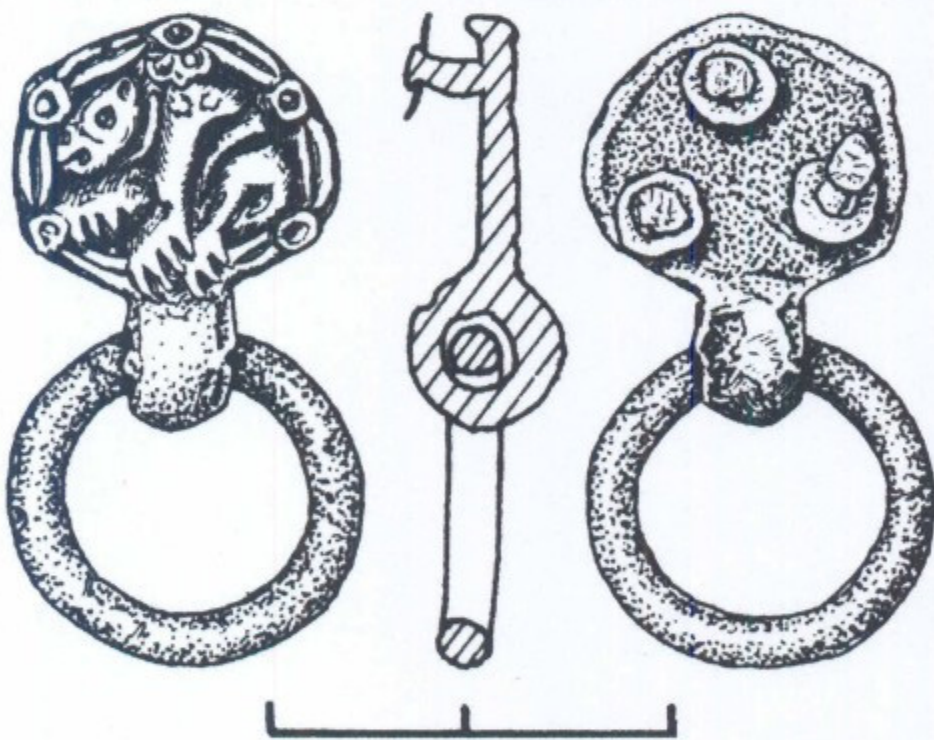

Рис.14. Поясная бляшка с подвесным колечком

* Благодарю за консультации по вопросам реконструкции технологии изготовления предметов, входящих в состав Супрутского клада, профессора Н.В.Рындины и кандидата исторических наук Т.Г.Сарачеву.

— изготовление первоначальной модели подвесного кольца из воска (на кольцах хорошо читаются следы поперечного соединительного шва — это результат спаивания воскового шнура — рис.16) (рис. 15, 1);

— отливка металлического кольца в одноразовой глиняной форме с потерей модели (рис. 15, 2);

— получение разъемной глиняной формы (или серии форм) при помощи оттиска металлического изделия (рис. 15, 3);

— отливка серии металлических колец в двухсторонних глиняных литейных формах (об отливке колец в двусторонние формы свидетельствуют остатки продольных литейных швов — рис.17) (рис. 15, 4);

— изготовление первоначальной восковой модели основной пластины бляшки с петлей для подвесного кольца, в которой сформирована широкая щель для помещения кольца (рис. 15, 5);

— отливка металлической пластины (для последующего использования в качестве модели) в одноразовой глиняной форме с потерей воска (рис.15, 6);

— получение серии разъемных глиняных форм при помощи оттиска металлического изделия (об отливке бляшек в двусторонние формы свидетельствуют следы продольных литейных швов — рис.18) (рис.15, 7, 8). В нижней створке литейной формы получался оттиск лицевой стороны бляшки. Сложнее было получить верхнюю створку формы — в каждой верхней створке необходимо было сделать отверстия острым инструментом (вероятно, шилом) для отливки штифтов (об использовании серии форм говорит неодинаковое расположение штифтов у разных экземпляров — рис.19). Кроме того, необходимо было ликвидировать во второй створке следы щели в петле бляшки, — вероятно, получившийся выступ выбирался в еще не засохшей глине (следы щели читаются на каждой из бляшек — рис. 20);

— помещение готового металлического кольца в полость для отливки петли (рис.15, 9);

— отливка готовых изделий в двусторонних литейных формах (рис.15, 9).

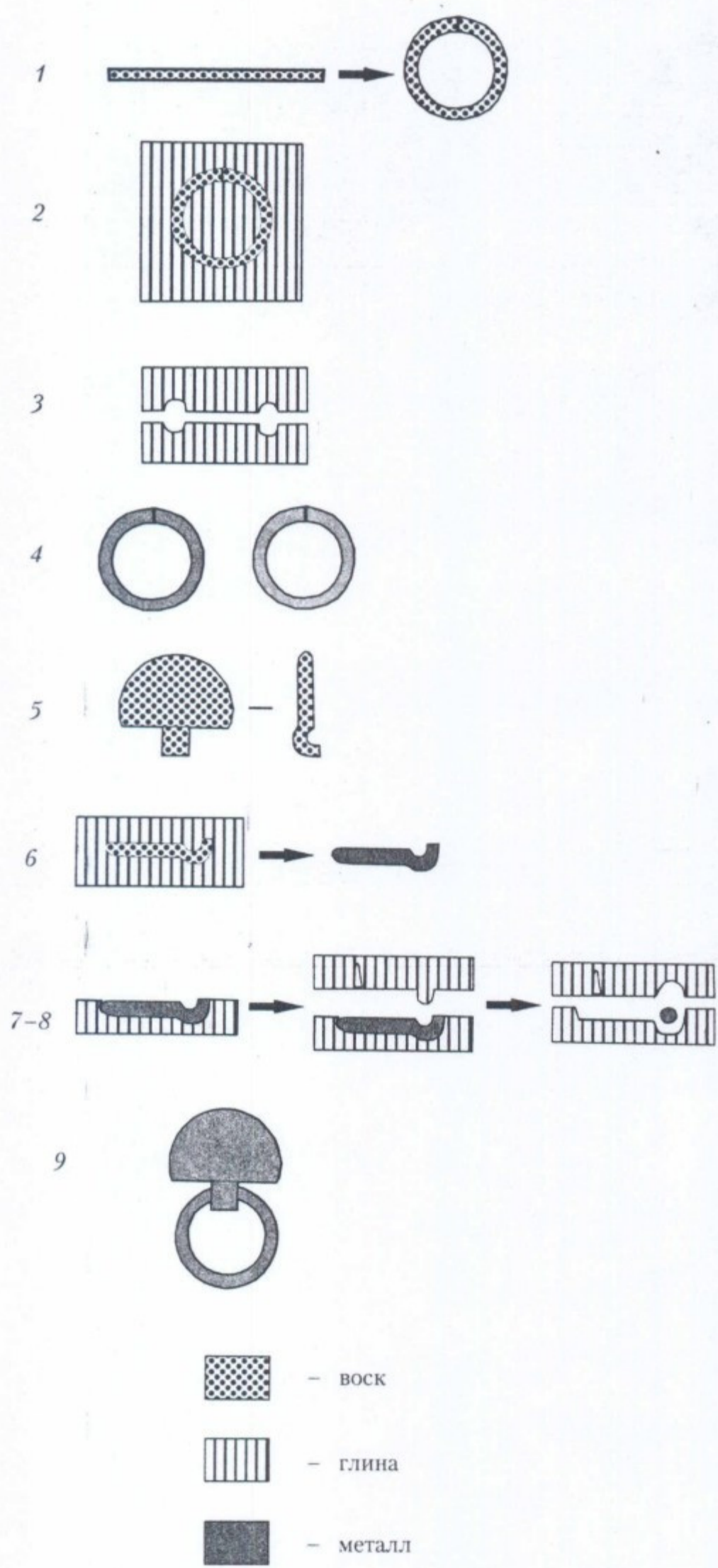

Рис. 15. Графическая реконструкция изготовления разъемной глиняной формы для отливки бляшек с подвесным кольцом (1-9)

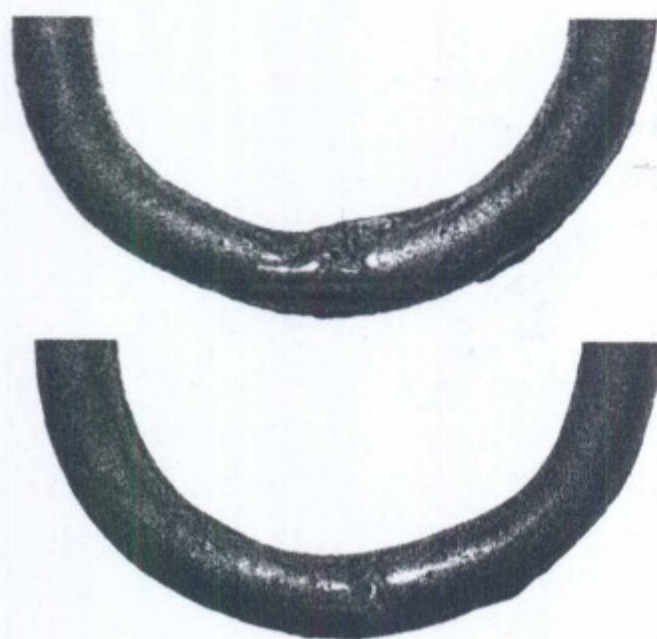

Рис. 16. Поперечные швы на подвесных кольцах

Рис. 17. Продольные швы на подвесных кольцах

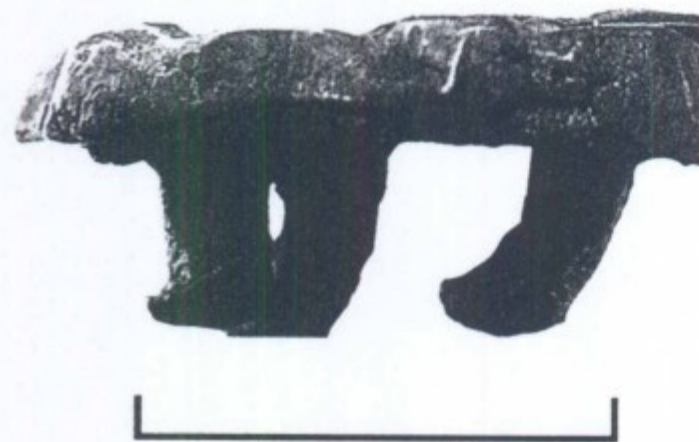

Рис. 18. Продольные швы на корпусе бляшек

Рис.19. Расположение штифтов на оборотной стороне бляшек

Рис.20. Следы ликвидации щели на оборотной стороне петли для подвесного кольца

На лицевой части накладок изображено животное семейства кошачьих, вероятно, лев. По форме эта серия бляшек соответствует классическим образцам ременных накладок салтово-маяцкой культуры с петелькой и подвесным кольцом (Плетнева С.А., 1989. С.79. Рис.36). Однако салтовские бляшки в большинстве своем украшены растительным орнаментом, зооморфные изображения являются редкостью. В то же время

анalogии рассматриваемым бляшкам известны на территории Скандинавии: в двух погребениях Бирки (погребение 4 и 983. — *Arbman*, 1940), в составе культурного слоя Хедебю (*Capelle*, 1970. S.14. Abb.5)* и на острове Оланд (*Arne*, 1914. P.163. Fig.295). Накладки из Бирки и Хедебю практически идентичны супрутским, бляшка же с Оланда является более далекой аналогией — при всей очевидности зооморфного характера

* Публикация не дает адекватного представления о характере изображения на бляшке. Приношу благодарность И.Ульбрихт за возможность ознакомиться с этой накладкой в фондах музея земли Шлезвиг-Гольштейн (г.Шлезвиг).

изображения смысл его не вполне ясен (рис.21). Единственной близкой аналогией с территории Восточной Европы является бляшка с профильным изображением животного, предположительно происходящая с территории Кубани (из частной коллекции – рис.22).

Трактовать зооморфный сюжет, украшающий бляшки, как изображение льва позволяют поиски прототипов. Можно предположить, что прототипом послужили изображения львов на щитках византийских пряжек (рис.IX на цветной вклейке), распространенных в среде готов-христиан в VI–VII вв. в юго-западном Крыму. Исследователи полагают, что изображение льва можно связывать с христианской символикой (Хайрединова, 1999. С.334, 335). С точки зрения иконографии, изображениям на щитках пряжек ближе всего изображение льва на бляшке из частной коллекции (см. рис.22) – совпадают поза животного и трактовка гривы.

Край бляшек оформлен бордюром из чередующихся круглых и вытянутых звеньев. Подобный вид бордюра встречается на ременных украшениях, найденных на различных территориях, однако наиболее популярен он был у венгров «эпохи завоевания Родины» (The Ancient..., 1996. P.154, 170, 213 a. oth.). Происхождения данной детали оформления изделий касались многие ав-

торы. Н.А.Фонякова считает его специфической чертой хазарской торевтики и полагает, что образцом могло послужить оформление края ковша из Коцкого городка (Фонякова, 1988. С.66, 67). В.П.Даркевич также полагает, что изделия с таким бордюром могли быть хазарскими (Даркевич, 1976. С.168). Наиболее подробный анализ происхождения бордюра из круглых и вытянутых звеньев демонстрируют работы Е.П.Казакова (Казаков, 1972; 2001). Проанализировав все места находок, автор приходит к выводу о том, что наиболее ранние изделия, относящиеся к IX в., встречены в южных памятниках

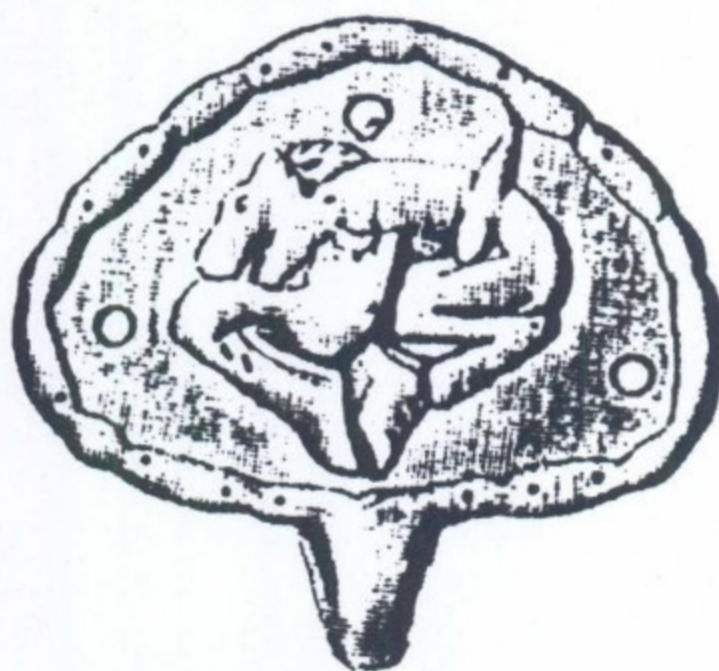

Рис.21. Бляшка с острова Оланд

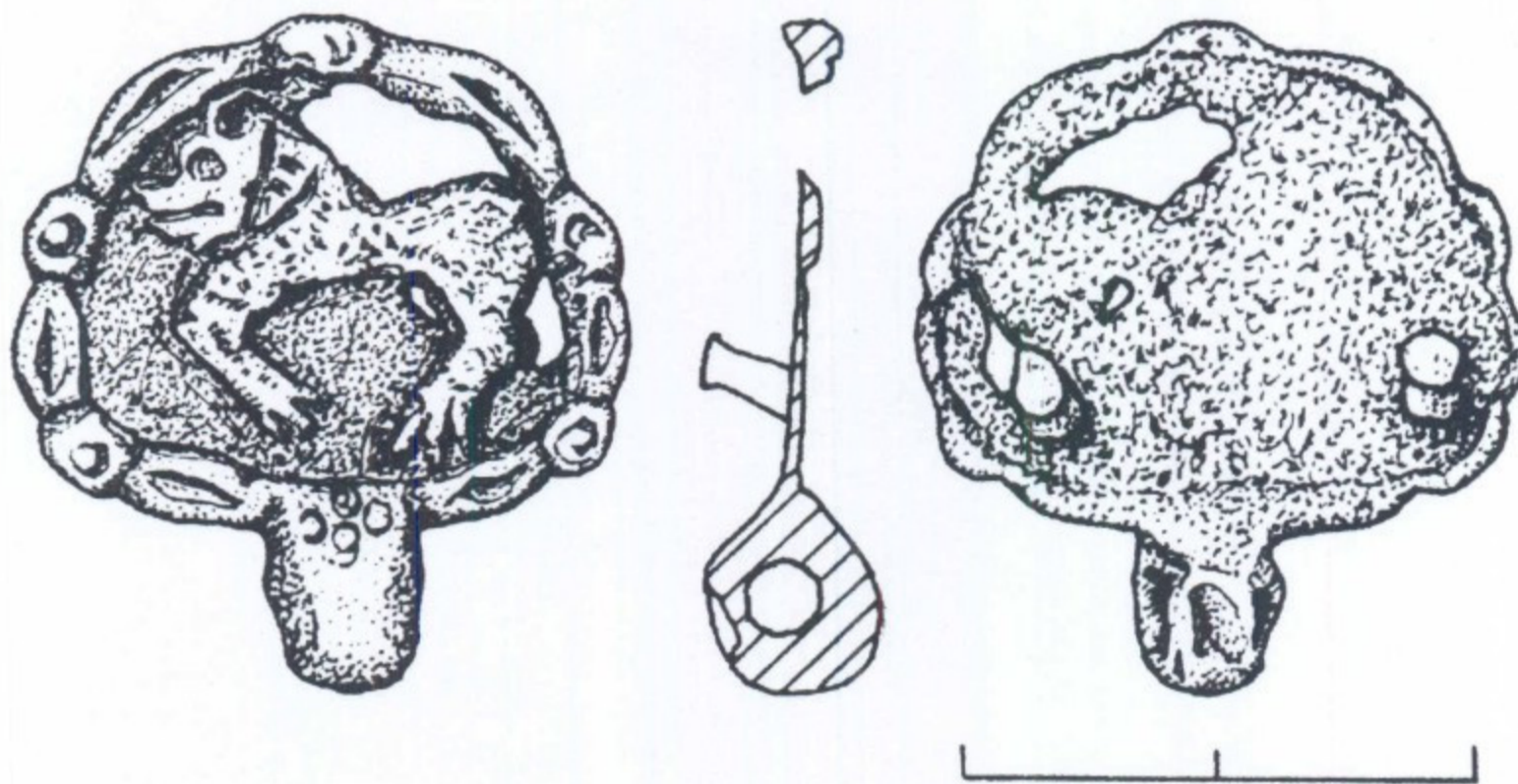

Рис.22. Бляшка, предположительно найденная в бассейне р.Кубань

кушнаренковской общности (Среднее Поволжье, Южный Урал). Е.П.Казakov полагает, что локализовать самые ранние центры, изготавливавшие ременные украшения с рассматриваемым бордюром, можно в северо-восточных районах Хазарии (Казakov, 2001. С.171).

Таким образом, морфология бляшек, детали оформления позволяют связать рассматриваемый набор поясных украшений с декоративно-прикладным искусством Хазарского каганата. Вероятное происхождение сюжета от изображений на византийских пряжках Крыма служит дополнительным аргументом в пользу юго-восточного происхождения ременных накладок.

Можно предположить, что рассматриваемый поясной набор относится к плохо известному кругу хазарских древностей начала X в. Это период после прекращения функционирования классических салтовских могильников, таких, как Верхнесалтовский и Дмитриевский, и до гибели Хазарского каганата. Древности этого круга происходят из разграбляемых памятников Краснодарского края и Северного Кавказа, они практически не введены пока в научный оборот и известны по частным коллекциям. В связи с этим представляется неудивительным тот факт, что аналогии происходят именно из памятников первой половины X в. Швеции, так как синхронные памятники Юга России не изучены.

Сердцевидные бляшки (39 экземпляров)

Вторая разновидность поясных бляшек имеет сердцевидную форму (рис.23; X на цветной вклейке). Система крепления к ремню — такая же, как у бляшек с кольцом: три штифта-заклепки для крепления к ремню, завершающиеся миниатюрными шайбочками. Вся серия бляшек отлита с использованием первоначальной восковой модели (см. выше). Лицевая сторона украшена семилепестковым цветком. Нижняя пара лепестков отогнута вниз, остальные слегка загнуты вверх, центральный лепесток имеет каплевидную форму. На краю бляшек расположен двойной гладкий ободок, прерывающийся круглыми вставками в центре каждой из сторон.

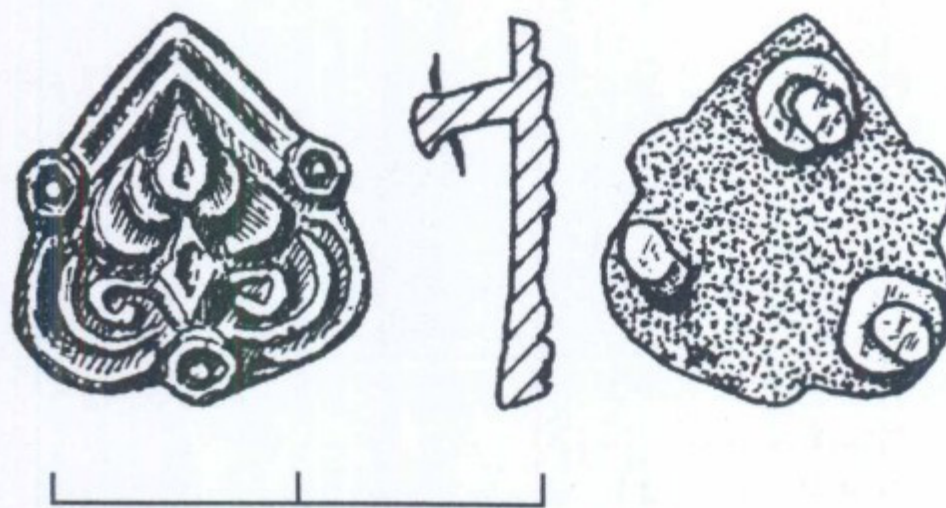

Рис.23. Сердцевидные бляшки

Среди поясной гарнитуры бляшки не имеют вообще точных аналогий. По общему облику эти бляшки также тяготеют к украшениям салтово-маяцкой культуры. О родстве говорят круглые выступы, расположенные в центре каждой из сторон бляшки (генетически они восходят к деталям орнамента классической салтовской орнаментальной композиции из трех лотосов, разделенных тонкими побегами с бутонами на концах. — Мурашева, 2000. С.88). Сам по себе орнамент в виде многолепесткового цветка также восходит к классическим салтовским образцам (Комар, 2001. С 110, 111).

Бляшка с прорезью

Бляшка имеет пятиугольную форму, в нижней ее части — овальная прорезь (рис.24; XI на цветной вклейке), система крепления к ремню и способ изготовления такие же, как и у вышеописанных поясных накладок. Лицевая сторона украшена растительным орнаментом, композиция состоит из растительных побегов, завершающихся листьями (или цветами?). Точные аналогии этой накладке неизвестны, однако можно указать сходные ор-

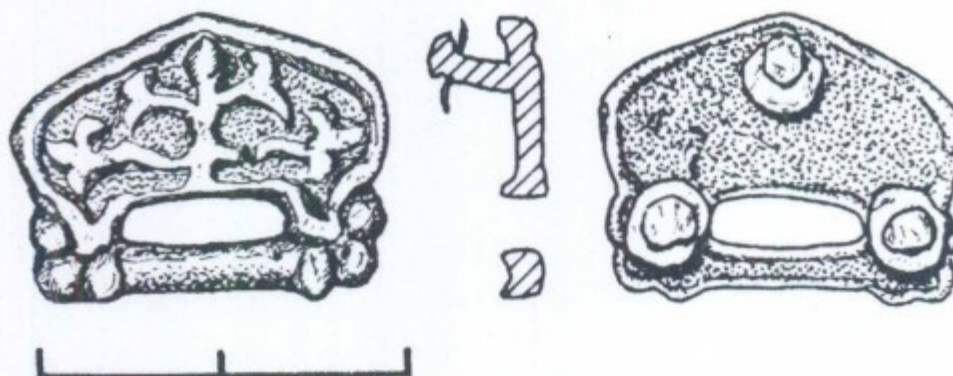

Рис.24. Пятиугольная бляшка с прорезью

наментальные композиции, наиболее близкая из которых (рис.25) украшает бляшки из кургана 5 (IX–X вв.) Лагеревской группы (Южный Урал. — Мажитов, 1981. С.71. Рис.38, 3). Бляшки также с отверстием у основания и с композицией из трех трилистников найдены в могильнике начала X в. Кисдобра в Венгрии (The Ancient..., 1996. P.158). Близкая, но несколько более схематичная композиция украшает целую серию идентичных бляшек, найденных в Гнёздово (рис.XII на цветной вклейке; Сизов, 1902. Табл.III, 29), в погребении 34 Танкеевки (ранние болгары. — Казаков, 1971. С.121. Табл.XX, 15), в могильнике Надкёрёш в Венгрии (Dienes, 1960. Old.183. K.5) и в Адельсо (Швеция — SHM, 16171). Круг аналогий, даже при отсутствии точных копий, указывает на юго-восточное, степное происхождение орнаментального сюжета, украшающего бляшку с прорезью из сурпурского клада.

Пряжка

Пряжка состоит из рамки сердцевидной формы и прямоугольного щитка с округлым концом (рис.26; XIII на цветной вклейке). Рамка и щиток имеют шарнирное соединение. На оборотной стороне щитка — дублирующая пластина, вырезанная из тонкой серебряной пластины, которая, наряду с четырьмя слегка расклепанными на концах штифтами, служила для крепления пряжки к ремню. Щиток украшен растительным орнаментом, центральная часть которого заключена в сердцевидную рамку.

Подобную композицию, основу которой составляют растительные стебли, образующие сердцевидные фигуры, исследователь салтовской ременной гарнитуры А.В.Комар считает одной из характерных для раннесалтовских поясов (Комар, 2001. С.111), предполагая его крымское происхождение. Единственной точной аналогией (рис.27) является пряжка из поясного набора, предположительно с Юга России (хранится в частной коллекции). Для интерпретации этого набора важно, что его основу составляли бляшки, украшенные композицией из трилистников, классических для декоративно-прикладного искусства салтово-маяцкой культуры.

Рис.25. Бляшка из кургана 5 Лазаревской группы (Южный Урал; по: Н.А.Мажитов, 1981)

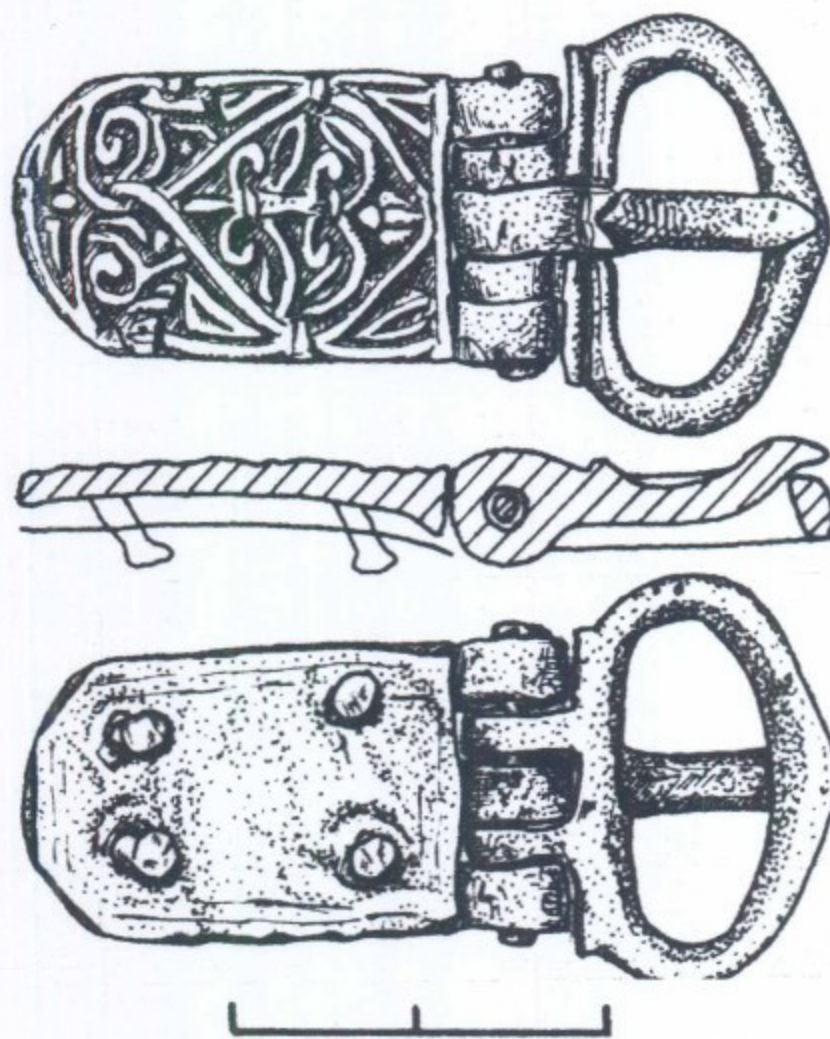

Рис.26. Пряжка (прорисовка)

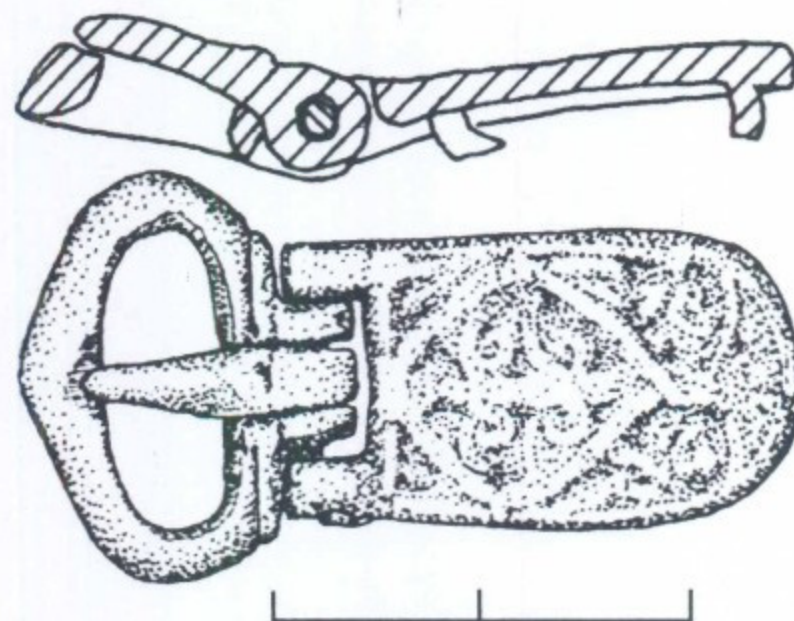

Рис.27. Пряжка, точное местонахождение ее неизвестно (из частной коллекции)

Наконечники (2 экземпляра)

В состав поясного набора входит пара ременных наконечников, украшенных сценой терзания в некоем, можно сказать, философском аспекте: на одной стороне изображена сцена терзания хищной птицей травоядного животного, на другой, наоборот, — хищное животное терзает птицу (рис.28, 29; XVI на цветной вклейке). Наконечники имеют вытянутую прямоугольную форму с округлым нижним концом. Необходимо отметить высокое качество их исполнения. Животное семейства кошачьих (пантера? лев?) изображено в профиль, с головой, развернутой так,

Рис.28. Ременной наконечник.
Сцена терзания хищным животным птицы (прорисовка)

Рис.29. Ременной наконечник.
Сцена терзания хищной птицей животного

что она видна сверху, в зубах — птица, возможно, голубь. Хищная птица: изображена сверху, с опущенными вниз крыльями, голова повернута вбок, в клюве держит небольшое животное (зайца?). Великолепно проработаны все детали изображения, мастер показал мускулатуру зверя, перья на крыльях птицы. Наконечники окаймлены гладким ободком, внутри которого расположена цепочка точечных углублений. В верхней части наконечников, в рамке — род меандрового орнамента, состоящего из фрагментов зигзагообразной линии. Ремень вставлялся в специальную щель в верхней части наконечников и закреплялся с помощью пробитых насквозь заклепок.

Любопытной деталью, характеризующей эту пару одинаковых предметов, является изумительная четкость изображения на одной из сторон и смазанность изображения на другой, причем, если у одного из наконечников четко изображена сцена терзания хищным зверем птицы, то у другого — наоборот (см. рис.XIV на цветной вклейке). Возможно, это связано с особенностями изготовления предметов. Изучение наконечников с помощью бинокулярной лупы показывает, что они отлиты в один прием. Небольшой шов на боковых поверхностях связан не с процессом отливки, а с изготовлением восковой модели.

Можно предложить следующую реконструкцию процесса изготовления ременных наконечников:

- изготовление на тонких пластинах пары резных восковых моделей, соответствующих каждой из сторон будущего изделия;
- обливание каждой из моделей жидкой глиной;
- высушивание глины и извлечение восковых моделей;
- заливка воска в глиняные формы для получения копии первоначальных моделей;
- наложение первоначальных резных моделей на изнаночные стороны полученных отливок (возможно, без извлечения отливок из формы), формирование щели для ремня;
- долив жидкой глины для получения односторонней формы для отливки изделия по выплавляемой восковой модели.

Таким образом, четкая сторона каждого из наконечников соответствует резной части вос-

ковой модели, а слегка смазанная — той части модели, которая отливалась в глиняную форму. Предложенная реконструкция объясняет эту любопытную особенность.

Точных аналогий наконечники не имеют, однако уникальные, на первый взгляд, наконечники вполне вписываются в культурный контекст эпохи. Круг предметов с территории Восточной Европы с изображением сцены терзания невелик: во-первых, это предметы, происходящие непосредственно из памятников салтово-маяцкой культуры, — серия бляшек из Верхнего Салтова (рис.30,а; Плетнева, 1967. С.150), подвеска, найденная на Маяцком городище и поясные наконечники ремennого набора из частной коллекции (рис.30,б). Кроме того, сцена терзания помещена на пряжке из Скалистинского могильника в Крыму (рис.30,в; Веймарн, Айбабин, 1993. С.33), навершие рукояти сабли — из Боль-

ше-Тиганского могильника (рис.30, г; Халикова, 1976. С.163), ремennой набор — из Фативижского клада второй половины VIII в. (рис.30,д; Козловська, 1928. С.45). Фативижский клад рассматривается исследователями в рамках круга древностей, связанных с нижнедонским центром Хазарского каганата, где позднеаварские традиции сочетаются со значительными культурными импульсами Византии (Гавритухин, Обломский, 1996. С.134–136). Все указанные памятники относятся к культурному кругу, связанному с Хазарским каганатом, что позволяет включить в этот перечень и наконечники со сценой терзания из Супрутского клада.

Итак, мы полностью рассмотрели второй ремennой набор, состоящий из литых украшений. Очевидно генетическое родство данного набора с хазарскими (салтовскими) древностями при отсутствии точных аналогий.

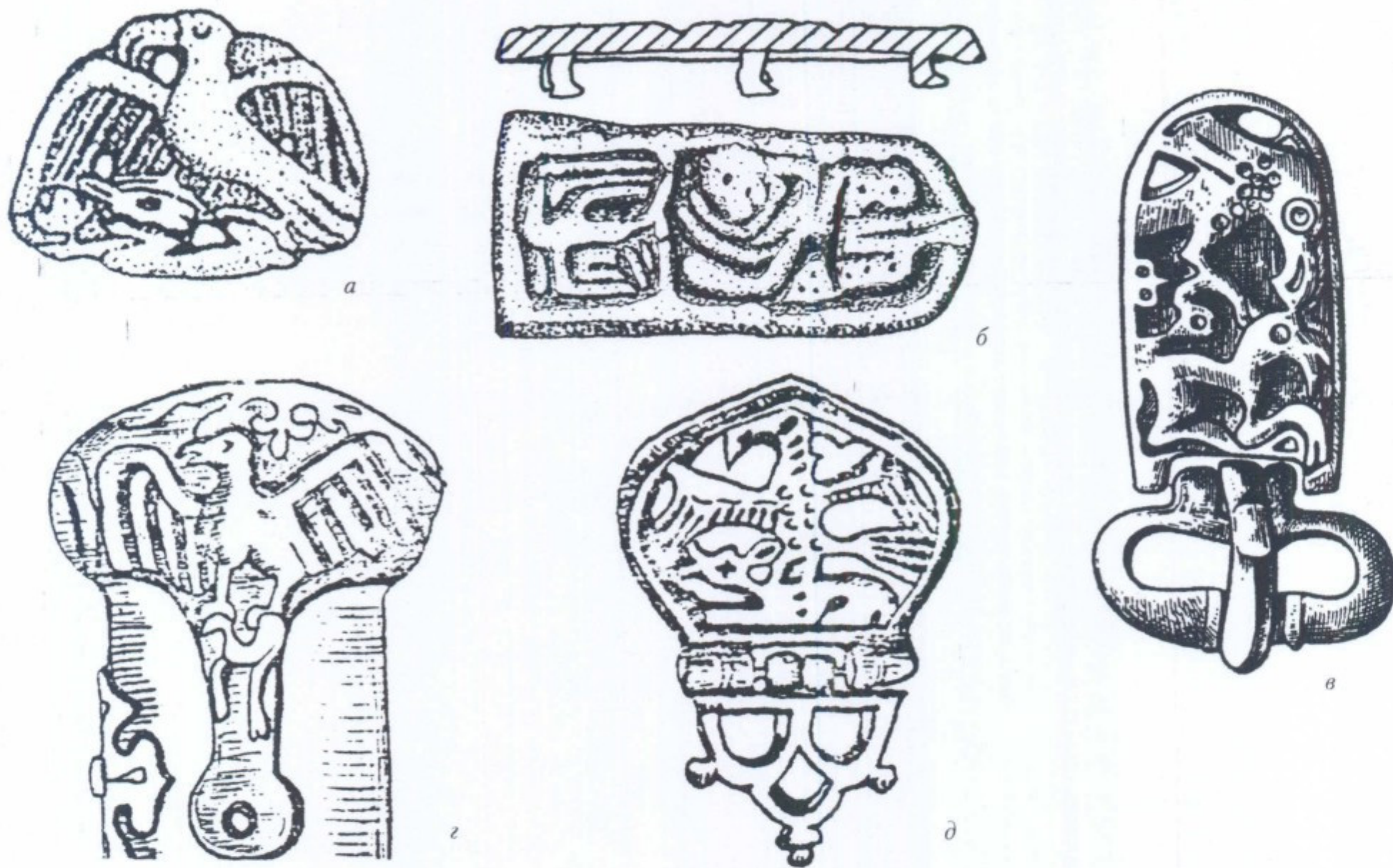

Рис.30. Предметы с изображением «сцены терзания»:

а — бляшка, могильник Верхнее Салтово; б — ремennой наконечник, местонахождение неизвестно (из частной коллекции);

в — пряжка, Скалистинский могильник (по: Веймарн, Айбабин, 1993);

г — навершие рукояти сабли, Больше-Тиганский могильник (по: Халикова, 1976); д — бляшка, Фативижский клад (по: Козловська, 1928)

Седло

В состав клада входили 47 тонких серебряных пластинок различной формы: пятиугольные, треугольные, прямоугольные со скругленными углами, остроовальные (рис.31; XV на цветной вклейке). Часть пластин согнута пополам. Набор пластин, вероятно, можно считать накладками на переднюю и заднюю луки седла.

Находки деталей седел в составе древнерусских «дружинных» древностей — явление чрезвычайно редкое. А.Н.Кирпичников приводит сведения о находках 11 седел IX—XI вв. (*Кирпичников, 1973. С.34*). Эти наиболее ранние седла, по мнению А.Н.Кирпичникова, принадлежат к типу полумягких седел с низкими луками. Мягкие седла известны еще со скифского времени, их основу составляли две кожаные подушки с деревянными дужками по краям (*Вайнштейн, 1966. С.67*). О принадлежности древнерусских находок мягким или полумягким седлам, по мнению А.Н.Кирпичникова, свидетельствует форма нескольких сохранившихся костяных накладок (незначительный изгиб пластин и отсутствие арочных вырезов в нижней части), подобные седла были распространены и в Скандинавии в эпоху Викингов (*Кирпичников, 1973. С.36—37*).

Необходимо, однако, заметить, что материал по истории ранних древнерусских седел настолько скуден, что делает спорной предложенную интерпретацию находок. Сомнение вызывает само предположение о преобладающем использовании древнерусскими всадниками в X в. полумягкого седла. Жесткие седла были изобретены на Дальнем Востоке в начале нашей эры, их появление связано с зарождением тяжелой кавалерии (*Амброз, 1973. С.94*). Подобное седло состоит из ленчика (двух соединенных между собой полок), передней и задней луки. Общепризнанно, что с изобретением седла с твердой основой связано и появление стремян, сделавших посадку тяжеловооруженного всадника намного более удобной.

Большинство исследователей считают, что появление твердого седла и металлических деталей его декора на территории Восточной и

Центральной Европы относится к V в. и является результатом гуннского вторжения (*Ахмедов, в печати.*). Таким образом, преобладание совершенной конструкции жесткого седла еще с V в. как в кочевом мире, так и в Европе, заставляет усомниться в использовании древнерусскими воинами столь архаичной (мягкой или полумягкой) конструкции седла. Древнерусская дружинная культура, открытая иноземным влияниям, активно принимала в свой арсенал различные достижения в области вооружения и конского снаряжения. Широкое распространение в древнерусских памятниках стремян, связанных только с жесткой конструкцией седла, еще больше уменьшает вероятность применения мягкого седла. Слабоизогнутые костяные накладки вполне могли быть использованы для оформления верхней части лук седла, которые и в жесткой конструкции не обязательно имели резкий изгиб (*Амброз, 1973. С.84, 85. Рис.2, 36—39*).

Находки серебряных пластин для украшения лук седла среди древнерусских «дружинных» древностей IX—начала XI в. неизвестны. Однако аналогии подобным накладкам можно обнаружить среди кочевнических древностей. Так, две серебряные седельные накладки были обнаружены среди инвентаря разрушенного погребения воина-кочевника X в. в бассейне Ингула (*Бокий, Плетнева, 1988. С.100*). Целый ряд аналогий происходит из курганов IX—X вв. Южного Урала (Ямаши-Тауская группа, курган 2, погребение 1; Лагеревская группа, курган 17, погребение 3; Ишимбаевская группа, курган 3, погребение 3 и др. — *Мажитов, 1981. С.32, 76, 90*). Наиболее полно сохранилось седло в погребении 3 I Бекешевского кургана 2 (IX—начало X в.) (*Мажитов, 1981. С.60, 61, 126*): здесь пластины, вырезанные из тонкой серебряной пластины, украшали и переднюю, и заднюю луки седла, большая часть пластин имеет вытянутую форму, согнута и обрамляет верхние края. На фронтальной части передней луки укреплено несколько пластин, составляющих зеркально-симметричную композицию (рис.32). Представляется, что по составу накладок седло ближе всего к супрутскому экземпляру. Во всех случаях, судя по со-

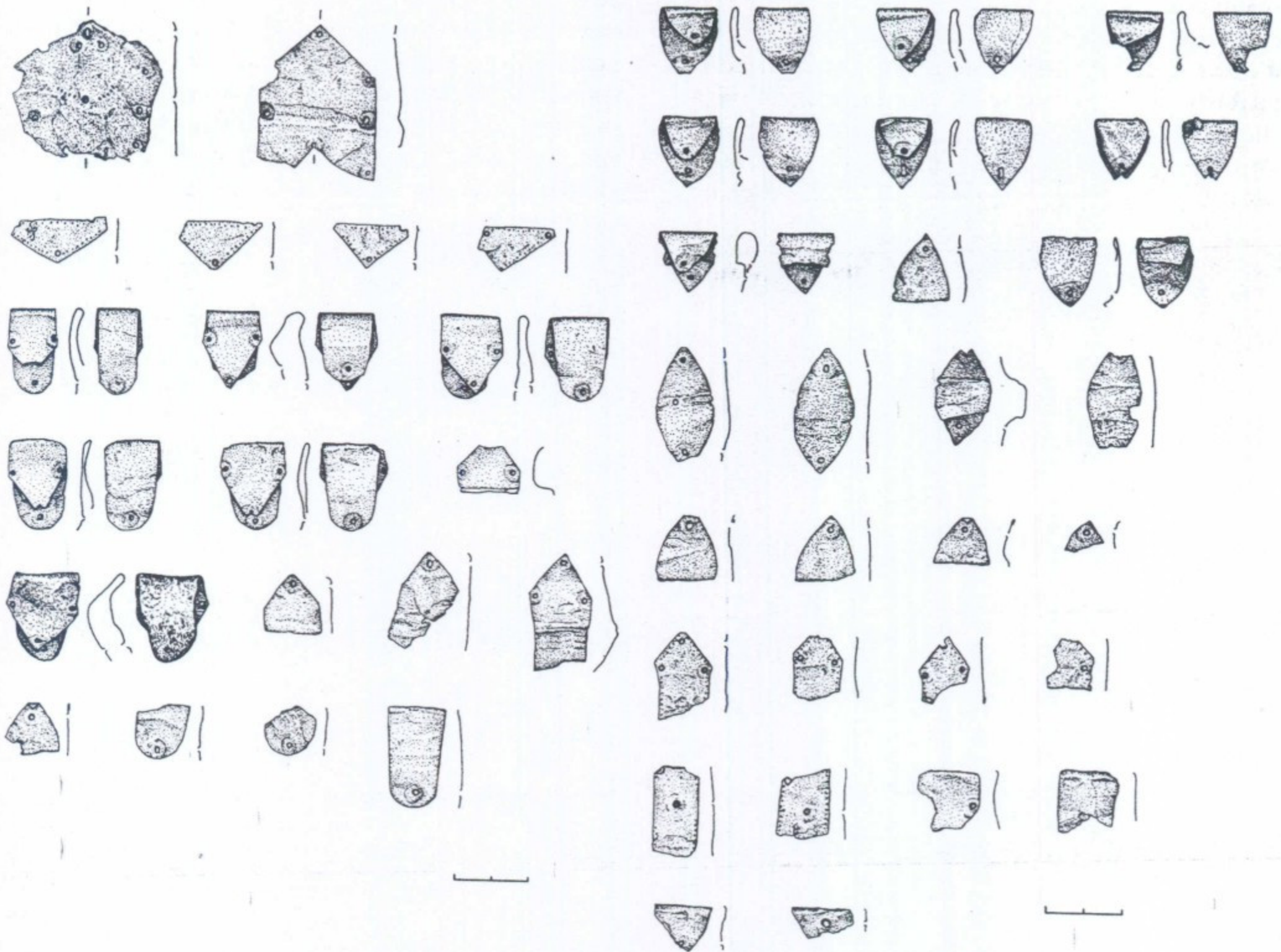

Рис.31. Седельные накладки

ставу накладок и сохранившимся остаткам деревянной основы, использовалось седло с двумя жесткими невысокими луками, причем задняя лука немного ниже передней. Впрочем, полная реконструкция седел автором публикации не приводится.

Сохранившиеся остатки седел венгерских всадников «эпохи завоевания Родины» позволяют отнести их к категории жестких седел, основу которых составляют две деревянные полки, соединенные луками (Вайнштейн, 1966. С.68). Передняя лука седла была слегка наклонена вперед, задняя же лука поставлена полого

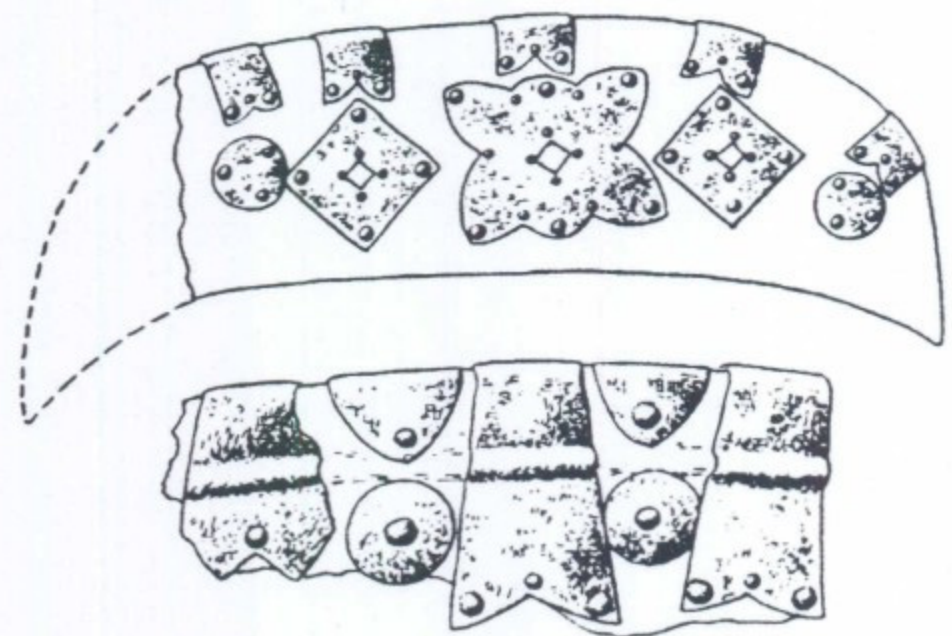

Рис.32. Седельные накладки из погребения 3 I Бекешевского кургана 2 (Южный Урал) (по: Мажитов, 1981)

(имела значительный наклон) — подобная конструкция обеспечивала подвижность всадника и была чрезвычайно удобна для лучника, который мог поворачиваться во все стороны и натягивать лук (The Ancient..., 1996. P.50, 51). Обе луки были снабжены снизу арочными вырезами. Можно полагать, что супрутское седло относит-

Рис.33. Седло из могильника Карош (Венгрия)

ся именно к этому типу, на что указывают венгерские аналогии, ближайшая из которых происходит из погребения 49 могильника Карош (рис.33), где сохранились фрагменты деревянных луков с укрепленными на них накладками из тонких серебряных пластин различной формы (The Ancient..., 1996. P.95). Накладки крепились

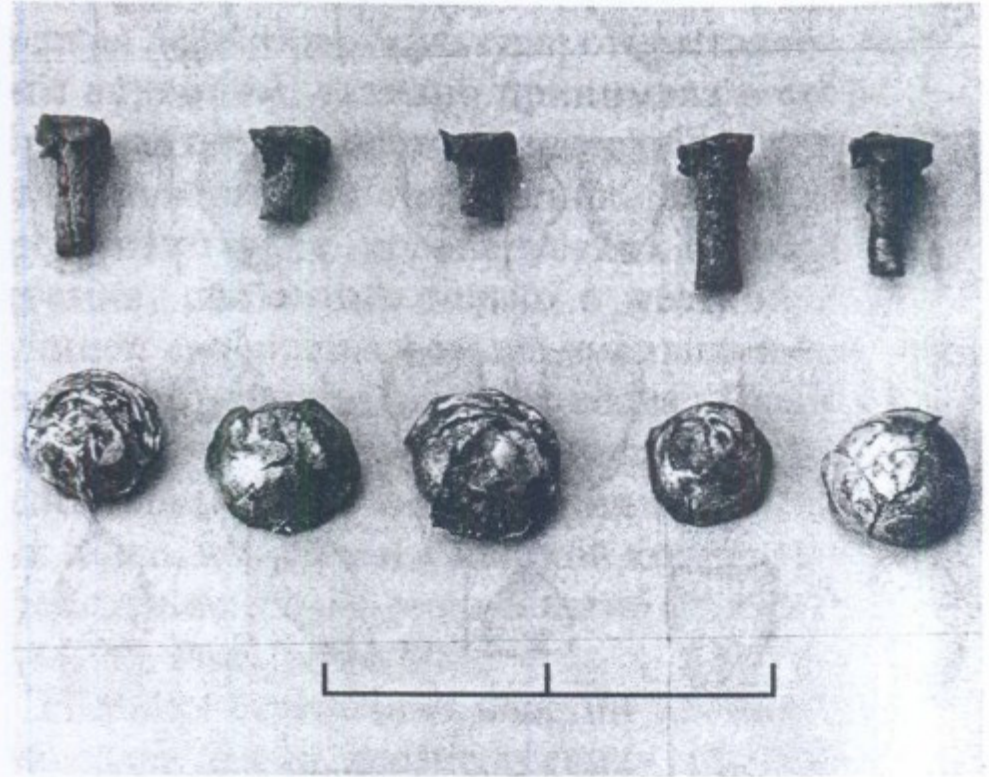

Рис.34. Скорлупки и штифты для крепления седельных накладок

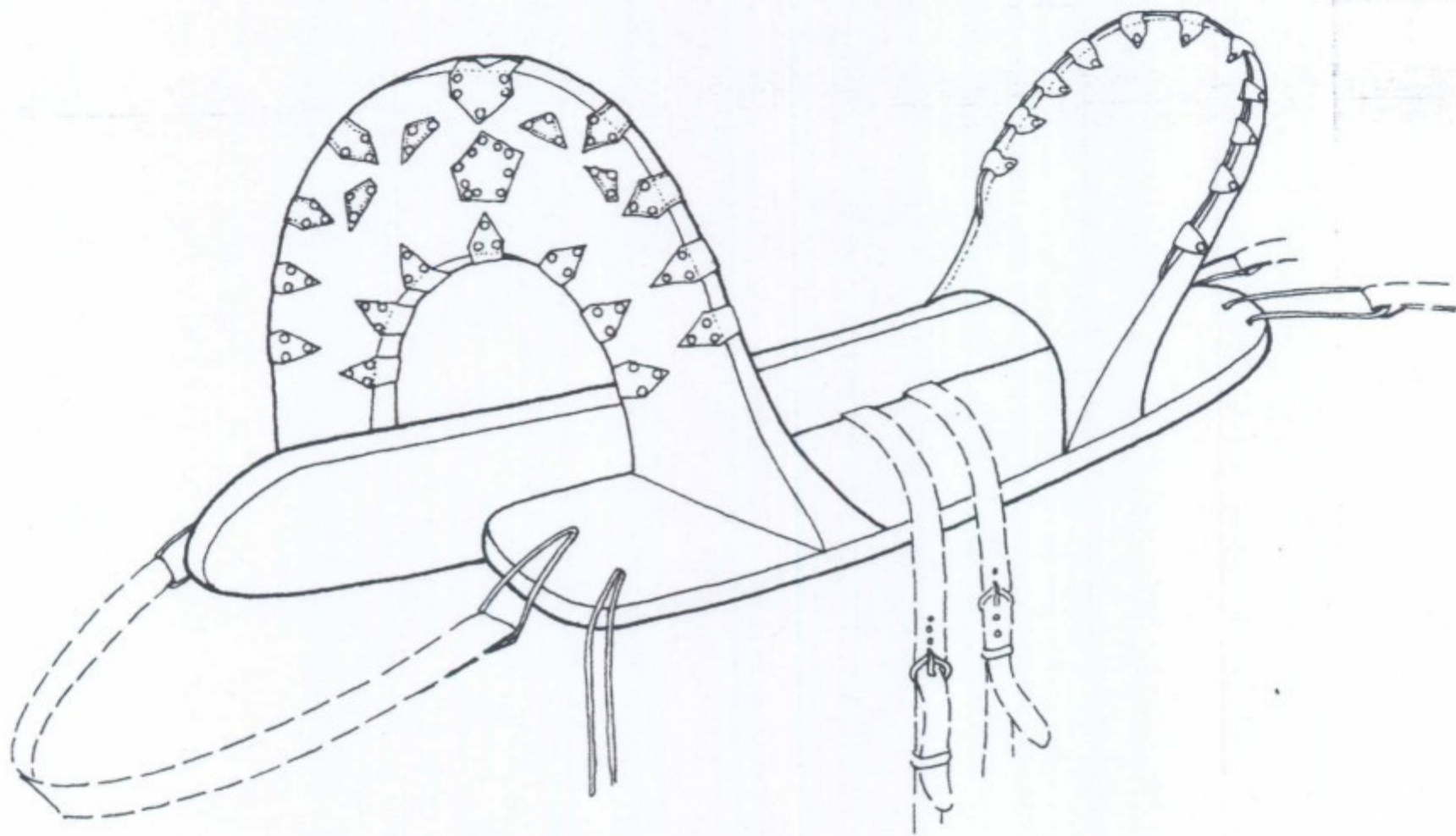

Рис.35. Реконструкция седла из Супрутского клада

с помощью гвоздиков с полусферическими шляпками, следы от таких же шляпок отчетливо видны на пластинах из Супрутского клада. Сами шляпки также сохранились в составе клада (С.А.Изюмова ошибочно включила их в состав одного из поясов. — *Изюмова, 2002. С.105. Рис.9*), они представляют собой тонкие серебряные штампованные скорлупки диаметром 5–7 мм (рис.34). Вероятнее всего, они были заполнены свинцово-оловянным сплавом, в который вплавлялся штифт-гвоздик.

Седельные накладки встречены также и в погребении 52 могильника Карош (*The Ancient..., 1996. P.101*), однако накладки из этого набора дополнительно украшены тисненым орнаментом. Оба комплекса датируются самым началом X в. (*The Ancient..., 1996. P.83*). Очевидное сходство набора седельных накладок из Супрут с венгерскими экземплярами позволяет отнести рассматриваемое седло именно к этому типу, к которому относятся и седла кочевников Южного Урала. Венгерские и южноуральские аналогии позволяют предложить реконструкцию седла из клада (рис.35). К седельному набору, вероятно, можно отнести пряжку со щитком-рамкой (рис.36) — она выпадает из всего набора ременных деталей, так как это единственный предмет, изготовленный не из драгоценного металла, а из медного сплава. Эту пряжку можно интерпретировать как подпружную*.

Как уже отмечалось, исследователи полагают, что данный тип седла связан с усилением роли тяжелой кавалерии и демонстрирует новый этап в развитии средневековых седел. Во-первых, ставшая выше передняя лука могла прикрыть среднюю часть туловища воина. Во-вторых, с такой конструкцией седла связано перенесение стременных ремней вперед, что обусловило более прочный упор в стремяна, вынесенные, таким образом, на линию груди коня. На территории Древней Руси эти седла, по мнению А.Н.Кирпичникова, появляются лишь в конце X в. (*Кирпичников, 1973. С.37, 38*). Так что супрут-

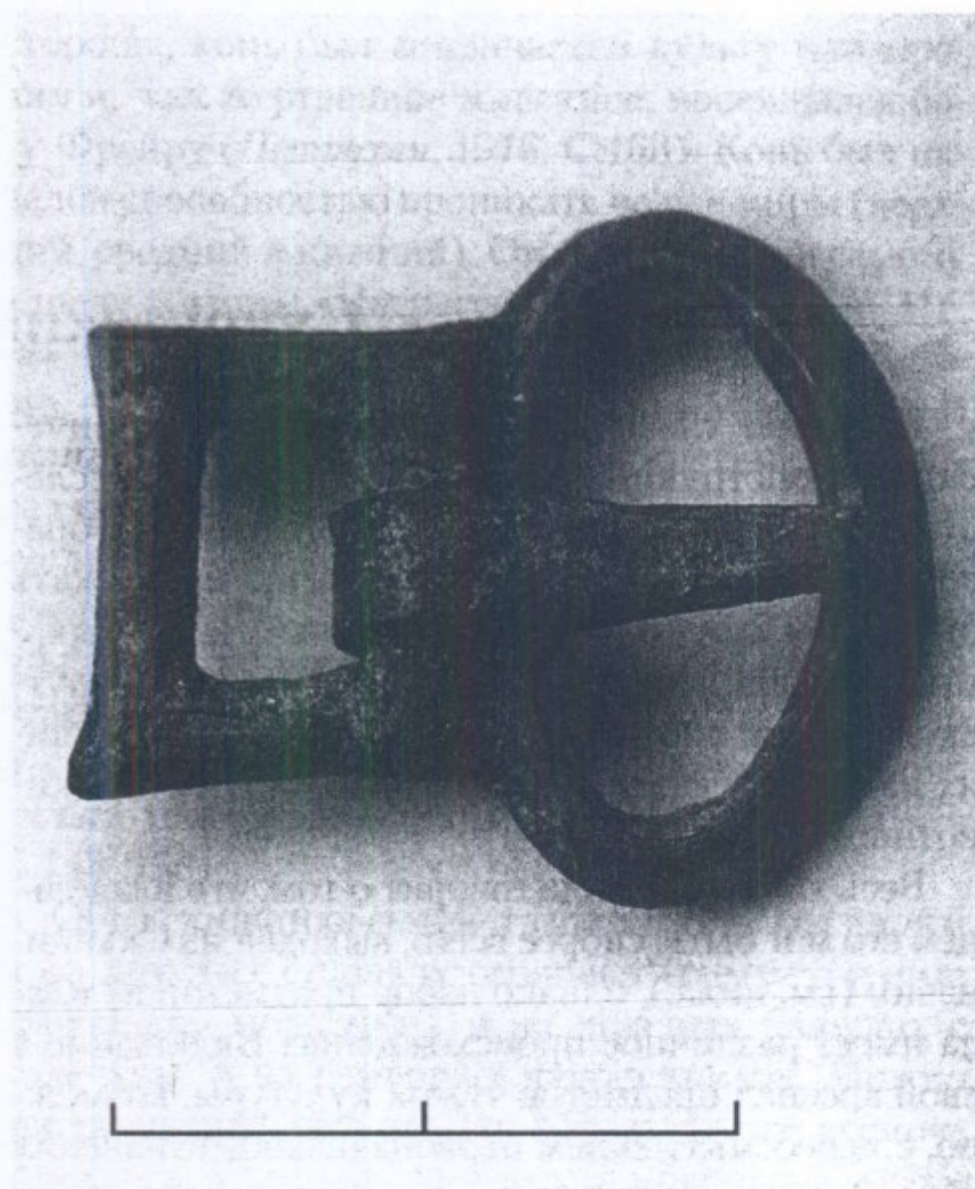

Рис.36. Подпружная пряжка

ский экземпляр является наиболее ранней находкой подобного типа. Седло из Супрут можно считать пока единственным, но очевидным свидетельством использования жесткого седла в контексте древнерусских памятников территории еще в первой половине X в. (о датировке клада см. ниже). Единичность супрутской находки не позволяет в настоящее время внести коррективы в наши представления о тактике боя в первой половине X в., так как рассматриваемое седло могло быть случайной покупкой или трофеем его хозяина. В любом случае находка демонстрирует связи со степным, кочевническим миром.

Интерпретация пластин как седельных накладок окончательно проясняет картину состава клада, показывая, что он является собой престижный набор воина-всадника.

* В публикации С.А.Изюмовой (2002 г.) указаны две пряжки из состава клада, однако в ГИМ поступила лишь одна.

Супрутский «бестиарий»

Наиболее уязвимыми из всех видов исторических реконструкций являются построения исследователей, связанные с семантикой древних образов. Однако трудно уйти от соблазна и избежать этой темы, тем более что мир птичьих и зооморфных образов, украшающих предметы из Супрутского клада, поражает разнообразием: на изделиях из клада изображены 3 вида птиц и 4 вида животных.

Весь характер клада говорит о том, что владельцем его мог быть, скорее всего, выходец из Скандинавии (см. ниже), однако набор предметов из клада имеет различное происхождение. Включение в свой арсенал предметов чужой культуры, возможно, с переосмыслением первоначального значения образов весьма характерно для скандинавов эпохи Викингов (Murasheva, 2002. P.324–328). В связи с этим полагаю, что вполне правомочно рассмотрение всей совокупности образов, с точки зрения скандинавской мифологической системы, оставляя без внимания (в контексте рассматриваемого комплекса) первоначальное значение образов, которое вкладывал мастер, изготовивший салтовский набор предметов.

Птицы представлены практически полным набором ролевых образов: птица-хищник, птица-жертва и птица, стоящая перед «древом жизни».

Птица, стоящая перед «древом жизни», изображена на круглых блюдах конского оголовья. Как уже отмечалось, наиболее полный анализ этого типа изображения был предложен Т.Арне. Решая вопрос о видовой принадлежности птицы, выбирая между петухом и павлином, Т.Арне, опираясь на сасанидские прототипы, склоняется в пользу павлина (Arne, 1914. P.158–162). Нет оснований с этим не соглашаться. В то же время нельзя не обратить внимание на адаптацию данного образа скандинавскими мастерами, для которых изображение павлина могло иметь только чисто декора-

тивный характер, петух же играл огромную роль в религиозной практике и в мифологии древних скандинавов. Полагаю, что есть основания считать, что каковы бы ни были иконографические истоки образа птицы, скандинавы видели в этом изображении *петуха* и именно при таком переосмыслении включали изображение в свой арсенал.

Использование петуха при совершении жертвы засвидетельствовано письменными источниками. Так, накануне решающего этапа битвы под Доростолом русы, по свидетельству Льва Диакона, наряду с другими видами жертвоприношений, душили петухов и топили их в водах Дуная (Лев Диакон, 1988. С.78). Ибн-Фадлан пишет о принесении в жертву курицы и петуха во время погребения руса на Волжском пути (Ковалевский, 1956. С.144). Исследование состава костей животных из погребений также показало, что петух (курица), являясь «залогом воскресения за барьером смерти», был одним из наиболее распространенных видов погребальной жертвы (Жарнов, 1992. С.59–62).

Вероятно, такая роль петуха в ритуальной практике связана с его местом в мифологической системе: покой павших в битвах воинов-эйнхериев в Вальхалле сторожит петух Одина – Сальгофнир (Лебедев, 1985. С.153.). В Прорицании Вельвы говорится, что «кочет багряный, по имени Фьялар», своим пением подаст один из сигналов к началу последней битвы Богов (Эдда, 1917. С.104). Таким образом, петух – важнейший символ, связанный как с воинским «раем» Вальхаллой – конечной целью земного пути воина и важнейшей категорией в системе ценностей эпохи Викингов, так и с эсхатологическим аспектом мифологической системы.

Второй образ – *птица-хищник*, мы видим ее в одной из сцен терзания на ременных наконечниках. Очевидно, что это изображение генетически

связано с сасанидским искусством (Даркевич, 1976. Табл.4, 3), наследовавшим более древние традиции. Любопытно, что иконография птицы-хищника на салтовской ременной накладке очень близка одному из традиционных способов изображения птицы в древнегерманском искусстве – это птица со слегка разведенными в стороны крыльями и повернутой головой, что еще раз подтверждает возможность восприятия образа выходцем из Скандинавии в рамках привычных ему представлений. В Скандинавии эта иконографическая схема была распространена еще в эпоху Вендель (Хлевова, 2002. С.210). Существует ряд мнений по поводу видовой принадлежности данного изображения птицы. Б.Амброзиани однозначно считает, что птица, изображенная сверху, со спины, – это всегда сокол, другая хищная птица – орел, по его мнению, всегда изображалась в профиль (Ambrosiani, 2001. P.19). В.И.Кулаков связывает рассматриваемый тип изображения с вороном, одним из атрибутов Одина (Кулаков, 1988. С.115,116). Рассматривая дружинную символику, нашедшую отражение на предметах вооружения эпохи Викингов, он видит два универсальных «птичьих» символа: ворон (птица-хищник) и петух (всегда птица-жертва).

Третий образ – *птица-жертва*, птица, которую держит в зубах хищное животное, изображенное на поясных наконечниках. Видовая ее принадлежность не поддается определению, важнее в глазах потребителя-скандинава ее ролевая жертвенная функция. Как уже говорилось, основным видом жертвенной птицы в рамках мировоззрения древнего скандинава были петух или курица. Полагаю, что окончательно решить вопрос о том, какую именно птицу изображал древний художник, невозможно, однако в контексте изучаемого комплекса важно другое – вероятно, включение в свой арсенал предметов чужой культуры было не случайным, происходило «узнавание», наделение знакомыми чертами образов чужой культуры.

Набор зооморфных образов тоже представляется неслучайным. Во-первых, это *конь*, изображение которого несут на себе позолоченные псалии. С одной стороны, конь относился к числу наиболее распространенных «транспортных средств», доставляющих умершего на тот свет. С другой

стороны, конь был сопрячен культу плодородия и, как жертвенное животное, посвящался богу Фрейру (Петрухин, 1976. С.163). Конь был наделен способностью проникать во все миры (верхний, средний и нижний). Он эквивалентен самому «древу жизни»: «Игдрассиль» означает «конь Игга» – Одина (Петрухин, 1978. С.156). Вторым образ – *дракон* или *змея* (граффити на псалиях). В скандинавской мифологической системе этот образ также неоднозначен. Прежде всего, дракон, безусловно, – хтоническое чудовище, атрибут подземного мира (мировой змей, дракон Нидхегг, грызущий корни мирового дерева). Однако змея может быть связана не только с нижним миром, но и с животными средней земли, являясь частью культа плодородия и предков (Петрухин, 1978. С.148, 158).

Образ хищника семейства кошачьих мы видим и на круглых бляшках оголовья (симметричные «кошачьи» мордочки), и на поясных бляшках с колечком, и на ременных наконечниках. Можно предположить, что все эти образы также воспринимались в рамках древнескандинавской мифологической системы. Кошка также входила в состав эддического набора животных: Фрейя, собирая души умерших в битве воинов, разъезжает в повозке, запряженной кошками (Младшая Эдда, 1970. С.44, 45).

Подводя итоги, можно констатировать, что в состав образов, украшающих предметы из Сундского клада, входит набор животных, характеризующих все три космологические зоны (небесную, земную и подземный мир) и способность проникать в эти зоны: птицы, конь и змей (змей в мифологии эквивалентен рыбе) (Петрухин, 1978. С.157). Даже не пытаясь дать более конкретную трактовку системы образов и не вдаваясь в излишние фантазии, надо полагать, что набор изображений, украшающих предметы из состава клада, не только отвечал эстетическим потребностям хозяина, но и нес определенную идеологическую нагрузку. Все рассмотренные зооморфные образы, как уже отмечалось, многозначны, однако они так или иначе связаны с путем в Вальгаллу – конечной целью земной жизни воина. Возможно, именно этот смысл нес набор украшений всадника и его коня.

Химический состав металла

Всего выполнено 49 анализов* химического состава предметов, входящих в состав клада (табл.1).

Таблица 1

Предметы, химический состав металла которых был изучен

Категория украшения	Тип	Часть	Количество
Поясные украшения	Бляшки с кольцом	Пластина	11
		Кольцо	7
	Ременные наконечники	Пластина	2
	Пряжка	Рамка	1
		Щиток	1
		Дублирующая пластина	1
	Сердцевидные бляшки	Пластина	8
Бляшка с отверстием	Пластина	1	
Сбруйные украшения	Бляшки с зооморфным орнаментом	Пластина	6
		Штифт	1
	Бляшки с павлином	Пластина	3
		Внутреннее заполнение	2
Седельные украшения	Накладки	Пластина	5

Содержание серебра в предметах, входящих в состав клада, довольно высокое и колеблется от 66,82% до 90,91%. Сплавы разделены на типы в соответствии с разработанной ранее классификацией (Енисова и др., 2003. С.96, 97).

* Химический состав металла определен с помощью неразрушающего рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа (РФА) Р.А.Митояном (геологический факультет МГУ).

Таблица 2

Распределение предметов клада* по типам сплавов

Типы сплавов	Количество предметов	Доля предметов, %
Сплав 3 <i>высокопробное серебро многокомпонентное</i>	1	2
Сплав 5 <i>«желтое» многокомпонентное серебро</i>	37	79
Сплав 6 <i>низкопробное серебро с добавлением меди</i>	1	2
Сплав 7 <i>низкопробное серебро многокомпонентное</i>	8	17

Большая часть предметов клада (табл.2; рис.37) изготовлен из сплава 5 – это «желтое» многокомпонентное серебро, где содержание серебра довольно высокое – от 80 до 89%, содержание меди не превышает 20%, а остальные примеси (цинк, олово, свинец и золото) не превышают 10%.

17% изделий относятся к сплаву 7 – низкопробное серебро многокомпонентное. Содержание серебра здесь колеблется от 50 до 80%, меди – от 20 до 50%, остальные примеси составляют от 1 до 30%. Один предмет (бляшка с зооморфным орнаментом, анализ 1) относится к сплаву 3 – высокопробное серебро многокомпонентное, где процент серебра составляет от 90 до 95%, медь колеблется от 1 до 10%, остальные примеси в совокупности также не превышают 10%. Последний тип сплава, представленный в изделиях, входящих в состав клада, – это низкопробное серебро с добавлением меди (сплав 6). В этом типе сплава серебро составляет от 50 до 80%, медь – от 20 до 50%, остальные примеси не превышают 1%.

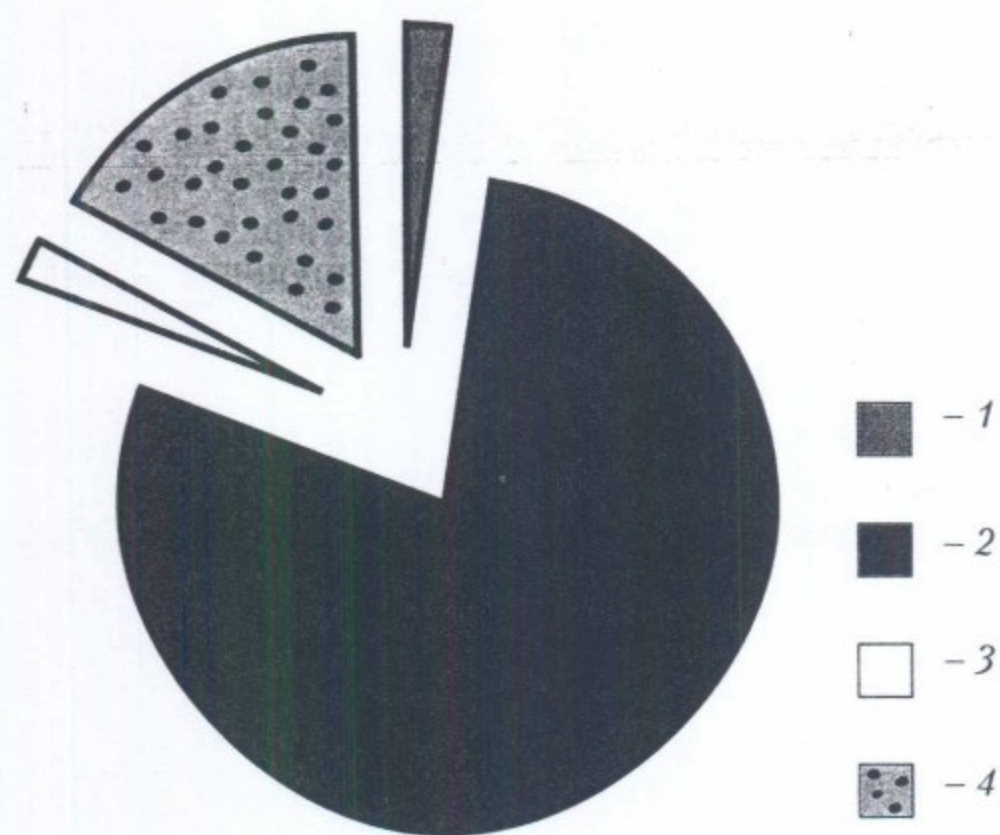

Рис.37. Типы сплавов серебра из которых изготовлены вещи, входящие в состав Супрутского клада:
1 – сплав 3; 2 – сплав 5; 3 – сплав 6; 4 – сплав 7

* В таблицу не включены анализы заполнения бляшек сбруйного набора, которое изготовлено из свинцово-оловянного сплава.

Весьма интересно, что самая многочисленная группа изделий, изготовленная из «желтого» многокомпонентного серебра, представлена предметами разной этнокультурной окраски. В нее вошли скандинавские уздечные бляшки, хазарские поясные седельные накладки «степного» облика. Таким образом, очевидно, что принцип отношения к драгоценному металлу в рамках разных ремесленных и культурных традиций был един – экономия по мере возможности, при необходимости сохранить «драгоценный» вид предмета. В рамках сплава представлены все способы получения изделий: литье, штамповка,ковка, что еще раз говорит об универсальности серебряных сплавов и одинаковой их пригодности как для литья, так и для различных видов деформации. Самый низкий процент содержания серебра (Приложение, анализ 47) показал штифт бляшки с зооморфным орнаментом, что неудивительно, так как он не несет декоративной нагрузки.

Принцип экономии драгоценного сырья в рамках как «хазарской», так и «скандинавской» производственных традиций обусловлен, вероятно, прежде всего, тем, что ни Скандинавия, ни Хазария не обладали собственными источниками сырья – в обоих случаях серебро являлось предметом импорта. Основным источником серебра для Восточной Европы в VIII–начале XI в., по мне-

нию большинства исследователей (см.: *Arrenius og. a.*, 1972–1973. S.151–160; *Graham-Campbell*, 1995. P.75; *Ениосова и др.*, в печати), был Арабский халифат. Поток арабских дирхемов, поступающих через Хазарский каганат по Днепру и Волге, обеспечивал ювелиров Восточной Европы и Скандинавии драгоценным сырьем. Другим источником поступления драгоценных металлов на Русь была Византийская империя. Золото и серебро поступали в мастерские в виде монет и украшений (*Ениосова и др.*, в печати).

Небольшое количество анализов химического состава металла, из которого изготовлены седельные накладки, не позволяет выявить какие-либо закономерности; можно лишь отметить, что содержание серебра в накладках менее высокое и в большей степени подвержено колебаниям (от 67 до 81%), чем в сплавах, из которых изготовлены предметы как «хазарской», так и «скандинавской» серии. Основным легирующим компонентом является медь, содержание которой достигает 27%, остальные примеси незначительны.

Несмотря на общий принцип отношения к ценному сырью, некоторую разницу между сплавами, составляющими «хазарскую» и «скандинавскую» серии предметов, удастся проследить. Эта разница улавливается на уровне легирующих компонентов (табл.3; рис.38).

Таблица 3

Содержание легирующих компонентов в серебряных изделиях клада, %

Категория предметов	Cu		Zn		Sn	
	Содержание примеси	Доля предметов, содержащих лигатуру	Содержание примеси	Доля предметов, содержащих лигатуру	Содержание примеси	Доля предметов, содержащих лигатуру
Поясные украшения	4,49–15,39	100	0,35–7,61	87	1,73–4,27	22
Сбруйные украшения	5,19–8,39	100	0,1–0,24	0	1,28–6,13	100
Седельные накладки	14,64–26,67	100	0,67–1,39	40	0,48–1,95	20

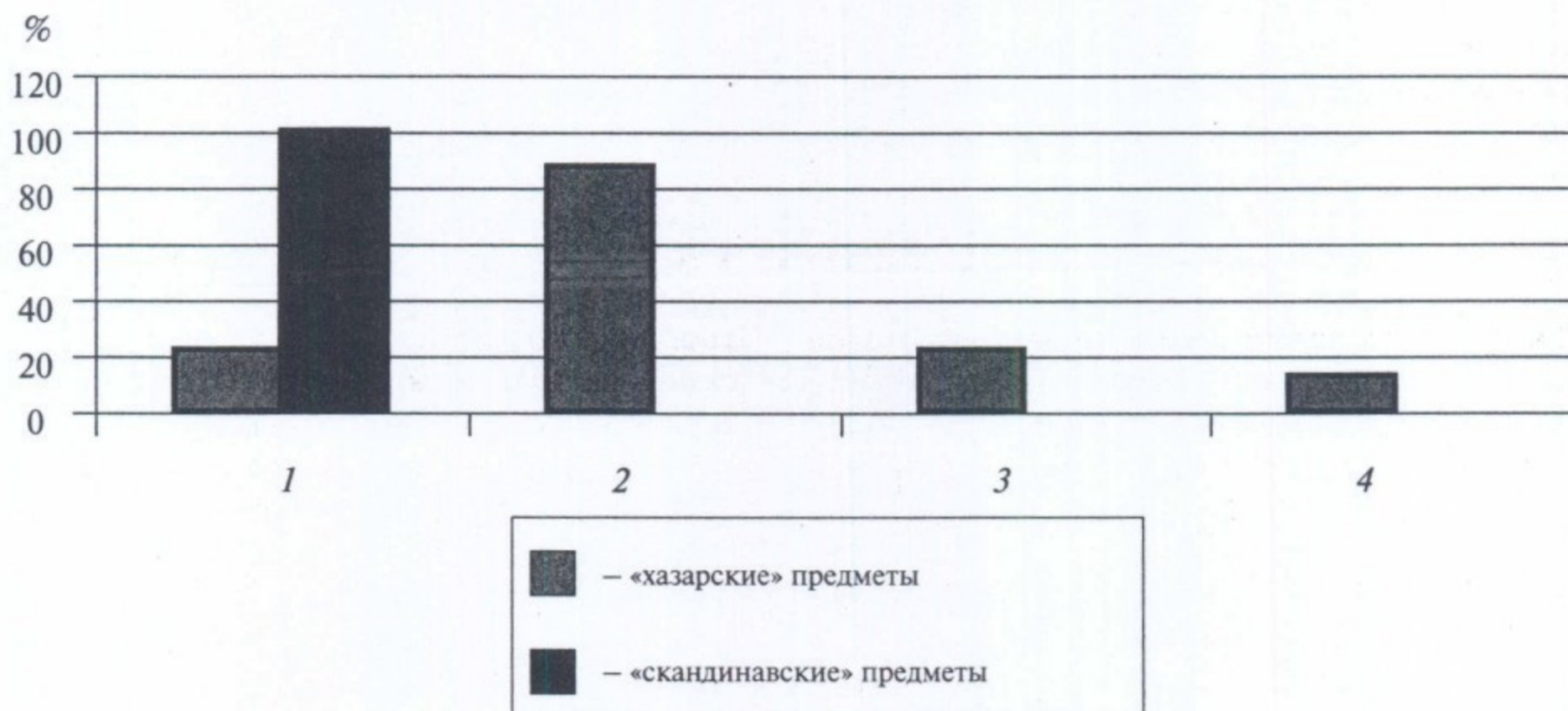

Рис.38. Характеристика сплавов, из которых изготовлены детали поясного и сбруйного наборов: 1 – содержащие олово; 2 – содержащие цинк; 3 – содержащие олово и цинк; 4 – не содержащие олова и цинка

Наиболее существенная разница в химическом составе вещей «хазарской» и «скандинавской» серии прослеживается в наличии примеси цинка и олова. В поясных украшениях («хазарская» серия) цинк присутствует повсеместно и в 87% предметов его содержание превышает 1% (условный порог, превышение которого принято считать искусственной добавкой). В то же время олово зафиксировано лишь в 22% предметов. Ни в одном из сбруйных украшений («скандинавская» серия) содержание цинка не превышает 1%, олово же обнаружено во всех накладках, его содержание доходит до 6%.

Таким образом, очевидно, что разница в химическом составе обусловлена характером сплава, который использовался мастерами для разбавления серебра. При отливке поясных украшений в сплав были добавлены свинцовые* (Cu+Zn+Pb) или тройные (свинцово-оловянные) латуни. При изготовлении сплава для сбруйных накладок мастер использовал свинцовую бронзу.

В эпоху Викингов использование латуней характерно в основном для двух, весьма удаленных друг от друга регионов. Во-первых, для Восточной Пруссии, Прибалтики, материковой Швеции, Готланда, Британских островов и для северо-западных регионов Древней Руси, а во-вторых, для Арабского халифата. В цветном металле Хазарского каганата и аланских памятников также зафиксирована ощутимая доля медно-цинковых сплавов (*Ениосова и др.*, в печати). В составе Супрутского клада разбавление серебра латунию зафиксировано для набора поясных украшений, что соответствует его атрибуции как комплекса, относящегося к кругу произведений декоративно-прикладного искусства Хазарского каганата. Интересно отметить единство химического состава сердцевидных бляшек с растительным орнаментом и бляшек с кольцом и зооморфным орнаментом, что еще раз косвенно указывает на единство их происхождения.

* Свинец присутствует во всех накладках, как в поясных, так и в сбруйных и седельных.

погребен человек, принадлежавший королевскому кругу (Duczko, 2004. P.109).

На территории Восточной Европы наборных скандинавских уздечек найдено немного. Больше всего их в Гнёздове – можно говорить, как минимум, о 8 погребальных комплексах, содержащих детали драгоценной узды, 4 из них найдены в «больших» курганах* (высота насыпи превышает 2,5 м – всего в Гнёздове таких курганов 6). Очевидно, что в данных курганах были погребены люди, относившиеся к высшему социальному слою гнёздовского общества (Жарнов, 1991. С.216, 217). Насыпи еще 3 курганов** превышали 1 м 80 см (автор раскопок В.И.Сизов относил их к категории «большие насыпи»), и высота одной насыпи неизвестна***.

Две находки происходят из курганов Ярославского Поволжья, одна из уздечек была найдена в кургане 1 Михайловского (раскопки В.А.Городцова, 1902 г.). Высота насыпи кургана неизвестна, однако набор инвентаря этого парного погребения далеко выходит за рамки рядового, это одно из самых богатых погребений могильника. В его составе – меч типа D (Я.П.), оковки щита, стрелы, набор женских украшений (Мурашева, 1999. С.26–29). Второй набор украшений оголовья найден в кургане 382 Тимерева, который входит в группу самых больших (диаметр от 10 до 23 м) и богатых курганов могильника, составляющих около 15% некрополя (Sedyh, 2000. P.180, 181. Fig. 3). Единственный «невысокий курган» (Европеус, 1876. С.97, 98; Исланова и др., 2005. С.75, 76), содержащий остатки узды, был исследован в Бежецком районе Тверской области в 1870-е годы. Информации о составе погребального инвентаря, к сожалению, не сохранилось, что не позволяет сделать предположений о социальной принадлежности погребенного.

Приведенная информация говорит о том, что все находки происходят из неординарных комплексов, принадлежавших людям, занимавшим высокое социальное положение. Вопрос о наход-

ках элементов снаряжения коня и всадника в Древней Руси специально исследовался К.А.Михайловым, который проанализировал данные археологических и письменных источников. Автор убедительно доказывает, что анализ материала не позволяет говорить о формировании конной дружины ранее XI в. Находки предметов всаднического снаряжения эпохи образования Древнерусского государства, с которой связаны памятники «дружинной культуры», отражают скандинавское влияние, которое испытывала Русь до XI в. В системе мировоззрения скандинавов эпохи Викингов (и ранее) конь являлся спутником богов и героев, сопровождавшим умерших в загробный мир. Еще в эпоху Вендель целая группа населения в Скандинавии ассоциировалась у современников с оружием и конем. Все данные говорят о том, что распространение на территории Древней Руси погребальных комплексов с деталями снаряжения воина-всадника свидетельствует о повышении роли коня, как показателя престижности, и освоении его верхушкой социума в качестве верхового животного, а вовсе не о формировании профессиональной конницы (Михайлов, 1994. С.93–103).

Выводы К.А.Михайлова подтверждаются в работе А.Педерсен. Исследовательница, проанализировав находки деталей всаднического снаряжения с территории Скандинавии (Pedersen, 1997. P.181,182), утверждает, что они, безусловно, отмечают социальный ранг погребенных, однако о четко фиксированной ступени на социальной лестнице в контексте таких находок можно говорить лишь для территории Дании во второй половине X в., где они отражают формирование королевской конной дружины. На территории Норвегии и Швеции они просто отражают, по мнению исследовательницы, высокий социальный статус человека.

Таким образом, богатое конское снаряжение, особенно детали оголовья, являются престижным набором, принадлежавшим человеку, занимавшему высокое социальное положение.

* Курган 130 (20) Центральной группы, раскопки В.И.Сизова (Ширинский, 1999. С.105–107), курганы 7 (65) и 16 (74), раскопки С.И.Сергеева (Спицын, 1905. С.46–48), курган 23, раскопки И.С.Абрамова (Спицын, 1906. С.204). Узда из кургана 7 (65) отнесена А.А.Спицыным, опубликовавшим материалы раскопок С.И.Сергеева, к вещам из неизвестных разрушенных курганов, однако в дневниках С.И.Сергеева она числится, как найденная в кургане 7 (Архив ИИМК. Ф.1.1899. Д.106. Л.39, 40).

** Курган 59, 83 Центральной группы, курган 7 Лесной группы, раскопки В.И.Сизова (Ширинский, 1999. С.103, 111, 121).

*** Курган 18, группа неизвестна, раскопки В.И.Сизова (Ширинский, 1999. С.125).

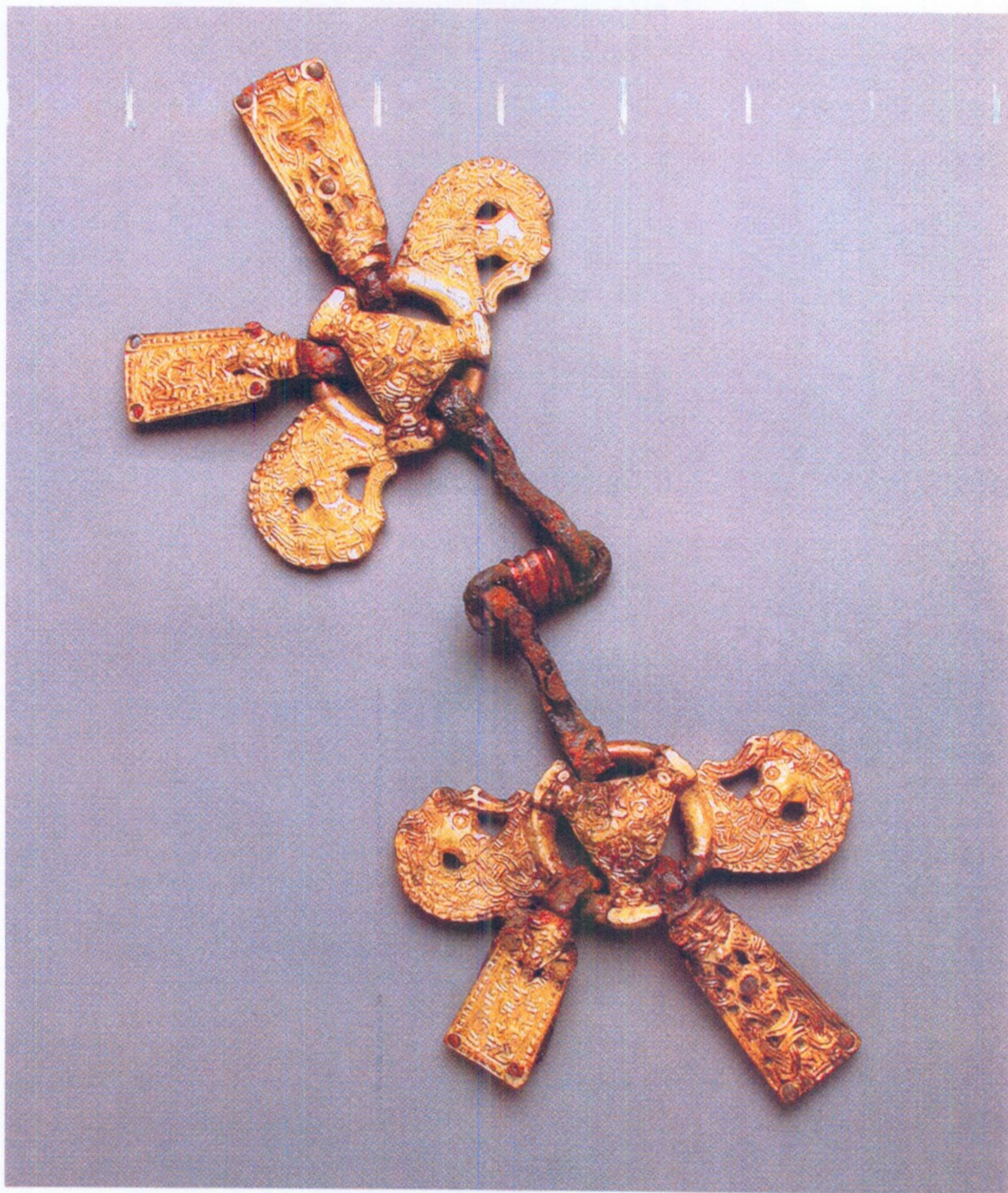

Рис.1. Удила и псални

Рис. II. Граффити на оборотной стороне псалий:
а – «бесконечный узел»; б – «плетенка»; в – «дракон»

Рис. III. Уздечный зажим из культурного слоя городища Супруты (по: Григорьев, 2005)

Рис. IV. Бляшки оголовья с зооморфным орнаментом:
а – лицевая сторона; б – оборотная сторона

Рис.V. Бляшка оголовья из кургана Гульбице (лицевая сторона)

Рис.VI. Бляшка из кургана у дер. Арефино (Смоленская обл.)

а

б

Рис.VII. Бляшки оголовья с изображением птицы:
а – фото; б – оборотная сторона

Рис.VIII. Поясные бляшки с подвесным колечком

Рис.IX. Византийская пряжка с изображением льва. Крым, могильник Суук-Су, погребение 73
(раскопки Н.И.Репникова)

Рис. XIII. Пряжка

Рис. XIV. Ременные наконечники. Лицевые и оборотные стороны

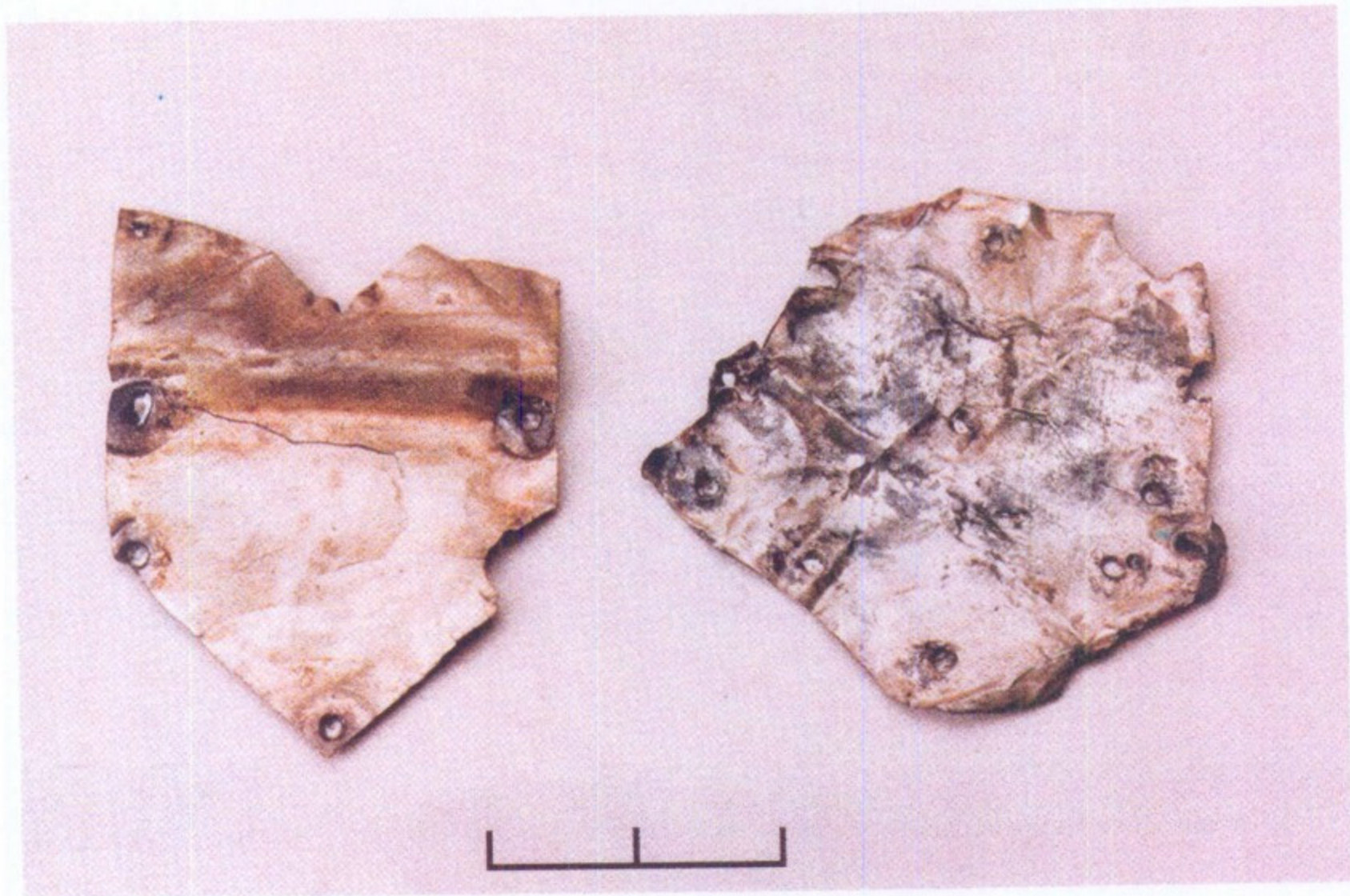

Рис. XV. Седельные накладки

Характер клада

Огромная историография посвящена проблемам причин сокрытия кладов в различные исторические эпохи. Ученые на первый план выдвигали либо экономические, либо религиозные, либо комплексные (социально-культурные) причины (Бочкарев, 2002. С.57–66). Так, например, Грехем-Кемпбелл, исследователь кладов эпохи Викингов, при анализе их характера предложил различать «активные» и «пассивные» клады (Graham-Campbell., 1995. P.61, 62). «Активные» клады содержат средства платежа, такие, как монеты, слитки, рубленое серебро. В состав «пассивных» кладов входят целые предметы, украшения, связанные с социальным статусом владельца, дарителя или получателя подарка. «Пассивные» клады могут носить также ритуальный характер, являясь результатом жертвоприношения (такие клады не предназначались для их позднейшего извлечения и использования).

Биргитта Хорд, изучавшая роль серебра в эпоху Викингов, делит все клады, исходя из их характера, на три типа: 1) платежные средства, 2) накопленные богатства или престижные предметы (клады украшений), 3) ритуальные клады (Hårdh, 1996. P.131, 132). И.Закриссон, исследовавшая клады XI–XIV вв. крайнего севера Швеции, высказала предположение о том, что клад должен был обеспечить своего владельца на том свете, что и являлось основной причиной его сокрытия. Исследовательница отмечает, что вплоть до XIX в. в различных частях Лапландии саами закапывали клады в соответствии с так называемым «законом Одина», воспоминания о котором на Крайнем Севере намного пережили эпоху Викингов (Zachrisson, 1984. S.124, 125).

Состав Супрутского клада со всей очевидностью говорит, что он может быть отнесен к категории «пассивных» кладов, так как содержит драго-

ценные предметы – полный набор престижных принадлежностей воина-всадника. Вероятно, такой набор вещей можно считать накопленным богатством. Большой соблазн считать этот клад ритуальным, к чему подталкивают многочисленные символические граффити и неслучайный, тщательно подобранный воинский набор. К сожалению, обстоятельства зарытия клада, которые могли бы помочь решить задачу, точно не реконструируются, так как из полевой документации следует, что клад был обнаружен под очагом, однако неясно, относился он к горизонту, связанному с очагом (он же финальный горизонт), или к нижележащим слоям.

Необходимо также отметить, что немногочисленные упоминания исландских саг о сокрытии сокровищ говорят о совершении этого в целях, которые можно назвать скорее религиозными. Так, например, в Саге об Инглингах говорится о том, что Óдин «сказал, что каждый должен прийти в Вальгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю» (Стурлусон, 1995. С.14). В Саге об Олаве Святом сказано, «есть такой обычай, что если умирает богатый человек, все его имущество делят между умершим и его наследниками. Мертвому достается половина или треть, но иногда еще меньше. Это сокровище относят в леса. Иногда зарывают его в курганы. Иногда на этих местах потом строят дома» (Стурлусон, 1995. С.285). В Саге об Эгиле рассказывается о том, что перед смертью Скаллаgrim, отец Эгиля, взял большой сундук и медный котел и утопил в болоте Крумскельде, а сверху навалил большой камень (Исландские саги, 1999. С.147). Так же поступил перед смертью и Эгиль: он спрятал свое серебро и ходили лишь слухи о том, где он это сделал – в овраге, в болоте или в ямах у реки (Исландские саги, 1999. С.214, 215).

Заключение

В заключение представляется интересным рассмотреть клад в контексте общего характера памятника – городища у с. Супруты.

Для прояснения характера и роли городища ключевым является разнообразие и обилие находок скандинавского происхождения. В состав находок из слоя городища входят самые разнообразные категории предметов: женские украшения (целый ладьевидный браслет и фрагменты подобных браслетов), амулеты (щитообразная подвеска и фрагмент железной гривны), навершие с головой дракона, зажим от узды, отлитый из медного сплава и украшенный в стиле Борре, копье с геометрическим («готическим») орнаментом на втулке.

Важным маркером присутствия скандинавов в поселке являются находки односторонних роговых гребней. Л.И.Смирнова, проанализировавшая распространение находок подобных гребней на территории Древней Руси, пришла к выводу, что эти предметы личной гигиены на раннем этапе встречены только на памятниках, где зафиксированы и другие свидетельства проживания выходцев с Севера (*Smirnova, 2002. P.93*). Возможным свидетельством наличия ремесленной деятельности скандинавов на Супрутском городище являются колечки из рубчатой («бусинной») проволоки, столь характерной для ювелирного дела Скандинавии (*Duczko, 1985. P.18–20. Fig.3–10*).

Как уже отмечалось, исследования А.В.Григорьева показали, что Супруты являлись составной частью сети славянских поселений, обслуживавших северную часть Донского пути. Супруты отличаются от других поселков обилием находок оружия и торгового инвентаря, наличием изделий из драгоценных металлов и монет (*Григорьев, 2005. С.154–164*). Кроме того, как показано выше, состав находок однозначно указывает на наличие

группы выходцев из Скандинавии в составе жителей поселка. До полной обработки материалов памятника однозначные выводы делать преждевременно. Можно лишь предположить, что скандинавы не были среди основателей поселка. Учитывая то, что рассматриваемый регион лежит на границе сфер влияния Хазарского каганата и варяжских дружин, представляется, что материалы Супрутского городища являются уникальной иллюстрацией картины борьбы за овладение крупнейшими трансевропейскими речными путями. Вероятно, появление здесь скандинавских древностей свидетельствует о захвате скандинавами ключевого пункта на данном отрезке Донского пути.

Свидетельствует ли представительный набор скандинавских предметов на Супрутском городище об «окняжении» этой области, о включении ее в круг территорий, контролируемых кланом Рюриковичей? Именно так часто трактуют находки скандинавских предметов на различных памятниках (*Исланова и др., 2005. С.76*). Однако представляются маловероятными возможности только что зародившейся державы Рюриковичей проводить целенаправленную и планомерную политику в столь отдаленном от «Матери городов русских» регионе.

Более логично предположение о независимых действиях на территории Восточной Европы разрозненных воинских объединений викингов – «воинов, купцов, путешественников» (по емкому определению Й.Янссона. – *Jansson, 1997*). Очевидно, что объединения эти происходили из разных частей Скандинавского мира. А.С.Щавелев выделяет несколько типов дружинных объединений раннефеодального государства, присущих и Древней Руси. Один из этих типов – свободная дружина викингов (чаще всего временная, на период конкретного похода или этапа жизни своих членов, нередко совмещающих военное дело с

иными занятиями, вроде торговли или специализированного ремесла) (Щавелев, 2002. С.261). Именно такого типа небольшая дружина могла взять под контроль Супрутское поселение и способствовать его превращению в торгово-ремесленный и, возможно, административный центр (центр сбора дани?). «Готландский след» (большая часть аналогий предметам скандинавского происхождения из рассмотренного клада происходит с острова Готланд) указывает на возможный регион, откуда происходила супрутская группа викингов.

Однако анализ всей совокупности материалов городища Супруты позволяет однозначно утверждать, что утвердившиеся на поселении скандинавы были не только не единственной, но, скорее всего, и не основной (по численности) составляющей населения.

В этом контексте хотелось бы коснуться еще одной проблемы – всадничества. Безусловно, нельзя не согласиться с аргументацией К.А. Михайлова (см. выше), доказывающего, что появление всадничества как социальной категории и рода войск в рамках древнерусской государственной системы нельзя относить ко времени ранее XI в. Однако материалы Супрутского городища демонстрируют находки довольно большого количества элементов снаряжения коня и всадника. Кроме рассмотренного в настоящем исследовании всаднического клада, это целый набор стремян и удила. Очевидно, что в рамках смешанной славяно-хазаро-варяжской среды могли существовать небольшие конные отряды, появление которых было вызвано не государственными (системными) нуждами, а конкретными обстоятельствами, сложившимися в регионе.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что население Супрутского городища было сложным этносоциальным организмом, в котором сосуществовали гребцы-викинги, хазарские

всадники и славянское население. Вопрос о взаимоотношениях между тремя основными составляющими населения еще требует своего разрешения. Однако ключевую роль в поселке, очевидно, играли выходцы из Скандинавии, об этом говорит, в частности, очевидно, высокий социальный статус владельца клада. Появление скандинавов обусловило отличие Супрут от других поселков региона. Супруты стали центром контроля над важным участком Окско-Донского пути.

Итак, анализ Супрутского клада, как культурного феномена, на общем фоне памятников дружинной культуры эпохи образования Древнерусского государства говорит об удивительном «космополитизме» элиты этой эпохи, о легкости включения в свой арсенал социально-значимых предметов разных культур, в данном случае – скандинавской и хазарской. Место находки комплекса не случайно, ведь памятник связан с системой Донского пути. Не случайно в том смысле, что абсолютно понятны причины пребывания там воина, очевидно, скандинавского, причем воина высокого ранга. И случайно, так как изрядная подвижность воинской элиты в рассматриваемую эпоху могла привести к тому, что клад мог оказаться закопанным далеко на севере, на территории Скандинавии или гораздо южнее, в Среднем Поднепровье.

Анализ же Супрутского клада, как комплекса ремесленных изделий, показывает, что в рассматриваемом случае можно говорить о резком различии способов изготовления ременных украшений разной этнокультурной окраски. «Северные» вещи изготовлены путем штамповки и заливки легкоплавким сплавом, а «южные» – литьем. Однако различие это не универсально: так, например, штамповка с последующей заливкой практиковалась и в рамках кочевнического ремесла. Общим для обеих традиций оказывается и принцип экономии серебра.

Литература

- Авдусин Д.А., 1952. Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. М. № XLIV.
- Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. №4.
- Артамонов М.И., 1968. Саркел-Белая Вежа. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I // МИА. №62.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы. М.
- Ахмедов И.Р., в печати. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. Вопросы происхождения и классификации. М.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула // СА. №2.
- Бочкарев В.С., 2002. Европейские votivныеклады эпохи бронзы // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Вайнштейн С.И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. №3.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Воронцова М.А., 2002. Этнический состав населения Упы в IX–X вв. (по данным анализа украшений городища у с. Супруты) // Н.И.Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. I.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII–начале IX века по археологическим данным. Тула.
- Григорьев А.В., 2002. Городище Супруты // АКР. Тульская обл. М. Ч.2.
- Григорьев А.В., 2003а. Структура начального заселения славянами бассейна р.Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X Региональной науч. конф. Калуга.
- Григорьев А.В., 2003б. Жилые постройки начального этапа славянской колонизации бассейна р. Упы // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула. Т.1.
- Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.
- Дайм Ф., 2002. История и археология авар // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IX.
- Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1991. Граффити на восточных монетах. Л.
- Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Европиус Д.П., 1876. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей // Труды II Археологического съезда. СПб. Вып. 1, отд. IV.
- Ениосова Н.В., 1999. Медная матрица из Гнёздова: функция и контекст // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. М.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2003. Информационная система «Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья» // ВМУ. Серия «История». №1.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., в печати. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.
- Жарнов Ю.Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М.
- Жарнов Ю.Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Дисс.... канд. ист. наук. М.
- Изюмова С.А., 1971. Раскопки городища у с. Супруты // АО 1970. М.
- Изюмова С.А., 1983. Древности Тульской земли // Путешествия в древность. М.
- Изюмова С.А., 1989. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М.
- Изюмова С.А., 1998. К вопросу о «погребениях» на Супрутском городище // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Изюмова С.А., 2002. Супрутский клад 1969 года // Н.И.Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. I.
- Исладские саги, 1999. СПб. Т.1.
- Исланова И.В., Крымов, Е.Ю., Романов В.В., 2005. Варяги на Верхней Волге (Новые находки) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Казаков Е.П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Казаков Е.П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX–XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). Самара. Т.2.
- Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф.Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Археологический сборник, 2001. М. Вып. 124. С.54–63.
- Калинина Т.М., 1986. Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. М. № 4.

- Кирпичников А.Н., 1973. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.
- Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Козловська В., 1928. Срібний скарб часів великого переселення народів з с. Фатівиж на Чернігівщині // Юбілейний збірник на пошану акад. М.С.Грушевського. Київ. Т.1.
- Комар А.В., 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. Т.2.
- Конькова Л.В., 2006. Химико-технологическое исследование деталей конской сбруи из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья // Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М.
- Кропоткин В.В., 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М.
- Кулаков В.И., 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. №3.
- Кулаков В.И., Витязь С.П., 2001. Массовое погребение коней на могильнике Доллякайм // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. №3.
- Куликаускаене Р.К., 1953. Погребения с конями у древних литовцев // СА. Вып. XVII.
- Лебедев Г.С., 1985. Эпоха Викингов в Северной Европе. Л.
- Лев Диакон, 1988. История. М.
- Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала. М.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. №2.
- Михайлов К.А., 1994. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород.
- Младшая Эдда, 1970. Л.
- Мурашева В.В., 1999. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Памяти М.В.Фехнер. М. Труды ГИМ. Вып. 111.
- Мурашева В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.
- Мурашева В.В., 2001. Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.: Архангельск, 2001.
- Мурашева В.В., 2002. Супрутский клад 1969 года (К вопросу о хазаро-скандинавском взаимодействии на территории Древней Руси) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Научная конференция: Тез. докл. М.
- Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Нюлен Э., 1979. Поминальные камни Готланда // Сокровища викингов: Каталог произведений искусства и памятников культуры Швеции II–XI вв. из собраний Государственного исторического музея в Стокгольме и других музеев Швеции. Л.
- Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петрухин В.Я., 1976. Погребения знати Эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // Скандинавский сборник. Таллин. XXI.
- Петрухин В.Я., 1978. О картине мира у скандинавов-язычников (по «памятным камням» V–XI вв.) // Скандинавский сборник. Таллин. XXIII.
- Петрухин В.Я., 1986. Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М.
- Петрухин В.Я., 2001. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Путь из Варяг в Греки и из Греков..., 1996: Каталог выставки. М.
- Пушкина Т.А., 1993. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 82.
- Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. МИА. М.: Л. № 11.
- Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. I: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб. 28.
- Спицын А.А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. № 15.
- Спицын А.А., 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА РАО. СПб. T. VIII, вып. 1.
- Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. Археология СССР. М.
- Стурлусон С., 1995. Круг земной. М.
- Фонякова Н.А., 1988. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – начала X в. (по материалам художественной металлообработки). Дис... канд. ист. наук. Л.
- Хайрединова Э.А., 1999. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. X.
- Халикова Е.А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.
- Хлезов А.А., 2002. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.
- Ширинский С.С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. Ч. I: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. М. Вып. XXXVI.
- Щавелев А.С., 2002. Сага о Йомсвикингах // Русский сборник. Брянск.
- Щеглова О.А., 2004. Тисненные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // Восточная Европа в Средневековье. М.
- Эдда. Скандинавский эпос, 1917. М.
- Ambrosiani B., 2001. The Birka Falcon // Eastern Connections. Pt. 1: The Falcon Motif. Excavations in the Black Earth 1990–1995. Birka Studies. Stockholm. Vol. 5.
- The Ancient Hungarians, 1996: Exhibition Catalogue. Budapest.
- Arbman H., 1937. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm.
- Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.
- Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala.

- Arne T., 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Arrenius B., Linder Welin U.S., Tapper L., 1972-1973. Arabiskt silver och nordiska vikingasmycken // Tor. Uppsala. Vol.XV.
- Brøndsted J., 1936. Danish inhumation graves of the Viking Age // Acta Archaeologica. København. 7.
- Capelle T., 1970. Metallschmuck und Gußformen aus Haithabu (Ausgrabung 1963-1964) // Das archäologische Fundmaterial I der Ausgrabung Haithabu 1963-1964. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster.
- Capelle T., 1976. Die frugeschichtlichen Metallfunde von Domburg auf Walcheren 1-2 // Nederlandse Oudheden. Amersfoort. Rob.5.
- Christensen A.E., Ingstad A.S., Myhre B., 1992. Oseberg-dronningens grav. Oslo.
- Dekan J., 1980. Moravia Magna. The great Moravian Empire. Its art and times. Bratislava.
- Dienes J., 1960. Honfoglalo magyarok sirjai Nagykoroson // AE. Budapest. Vol.87.
- Duczko W., 1985. The filigree and granulation work of the Viking Period. Birka V. Stockholm.
- Duczko W., 2004. Viking Rus. Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden.
- Ellis Davidson H.R., 1967. Pagan Scandinavia. London.
- Eniosova N.V., Murasheva V.V., 1999. Manufacturing Techniques of Belt and Harness Fittings of 10th Century AD. // Journal of Archaeological Science. 26.
- Graham-Campbell J., 1980. Viking Artefacts. London.
- Graham-Campbell J., 1995. The Viking-Age gold and silver of Scotland. Edinburgh.
- Hårdh B., 1996. Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. Stockholm.
- Hedenstierna-Jonson C., Holmquist Olausson, 2006. The Oriental Mounts from Birka's Garrison. An expression of warrior rank and status. Stockholm.
- Jansson I., 1985. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.
- Jansson I., 1986. Gürtel und Gürtelzubehör. Birka II,2. Stockholm.
- Jansson I., 1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Oldenburg-Wolin-Staraja Ladoga-Novgorod-Kiev. Frankfurt am Main.
- Jansson I., 1997. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia and Sweden. Örebro.
- Les Vikings...(Les Scandinaves et l'Europe 800-1200): Le catalogue de l'exposition, 1992. Uddevala.
- Lennartsson M., 1999. Karolingische Metallarbeiten mit Pflanzornamentik // Offa. Neumünster. Bd 54/55: 1997-1998.
- Müller-Wille M., 1976. Das Bootkammergrab von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Bd 8.
- Müller-Wille M., 1986. Bild und Bildträger. Beispiele im Borre- und Jellingestile // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Sigmaringen.
- Murasheva V., 2002. The destiny of Alexander's ascension scene in Viking Age European applied art // Medieval Europe. Basel, 2002. Hertingen. Vol. 1.
- Myhre B., 1992. The Royal Cemetery at Borre, Vestfold: a Norwegian centre in a European periphery // The Age of Sutton Hoo. Woodbridge.
- Nylén E., Lamm J.P., 1981. Bildsteine auf Gotland. Neumünster.
- Pedersen A., 1997. Similar Finds - Different Meanings? // Burial and Society. Aarhus.
- Petersen J., 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Petersen J., 1955. Vikingetidens smykker i Norge. Stavanger.
- Scaare K., 1976. Coins and Coinage in Viking-Age Norway. Oslo.
- Scovmand R., 1942. De danske skattefund fra Vikingetiden og den Äldste Middelalder indtil omkring 1150. København.
- Sedyh V., 2000. Timerevo - un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris.
- Smirnova L., 2002. Social Hierarchy of Early Novgorod on the Evidence of an Analysis of the 10th - 11th Century Combs // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 30. Köln.
- Shetelig H., 1948. The Norse Style of Ornamentation in the Viking Settlements // Acta Archaeologica. København. 19.
- Stoumann I., Roberts F., 1989. Frem i lyset // Mark og Montre. Årbog for Ribe. Amts museer.
- Thorvildsen K., 1957. Ladby-Skibet. København.
- Thunmark-Nylén L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. T.I.
- Thunmark-Nylén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm. T.II.
- Wamers E., 1994. König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Hadabu // Acta Archaeologica. København. 65.
- Wamers E., 1995. The Symbolic Significance of the Ship-graves at Haidaby and Ladby // The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia. Copenhagen.
- Westphalen P., 2002. Die Eisenfunde von Haithabu. Neumünster.
- Zachrisson I., 1962. Smedsfyndet från Smis // Tor. Uppsala. Vol.VIII.
- Zachrisson I., 1984. De samiska metalledepåerna år 1000-1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå.

Результаты анализов химического состава металла

№	Опись	Название предмета	Тип предмета	Часть предмета	Вес предмета	Cu	Ag	Au	Sn	Pb	Zn	Sb	Fe
1	2712/169	Бляшка	С зооморфным орнаментом		0,318	6,39	90,91	0,35	1,28	0,91	0,16		
2	2712/213	Бляшка	С павлином			5,95	88,9	0,41	3,52	1,22			
3	2712/70	Бляшка	С кольцом	Кольцо		8,67	88,87	0,05		1,2	1,21		
4	2712/84	Бляшка	С кольцом	Кольцо		8,78	88,74	0,04		1,54	0,9		
5	2712/4	Пряжка		Дублирующая пластина		4,49	88,55	0,25	4,15	1,59	0,35	0,62	
6	2712/189	Бляшка	С зооморфным орнаментом			6,07	88,49	0,33	4,07	0,93	0,11		
7	2712/89	Бляшка	С кольцом	Кольцо		9,7	87,76			1,29	1,25		
8	2712/187	Бляшка	С зооморфным орнаментом			6,42	87,74	0,28	4,61	0,85	0,1		
9	2712/29	Бляшка	Сердцевидная		2,121	11,07	87,31	0,1		0,82	0,7		
10	2712/112	Бляшка	С кольцом	Кольцо		9,85	87,03	0,13		1,41	1,58		
11	2712/33	Бляшка	Сердцевидная		2,251	10,47	86,92	0,1		1,51	1		
12	2712/210	Бляшка	С зооморфным орнаментом			6,12	86,65	0,39	5,63	1	0,21		
13	2712/32	Бляшка	Сердцевидная		2,489	9,81	86,4	0,19		1,47	2,13		
14	2712/181	Бляшка	С зооморфным орнаментом			6,07	86,05	0,34	5,94	1,02		0,58	
15	2712/73	Бляшка	С кольцом	Кольцо		10,33	85,96			1,99	1,72		
16	2712/89	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 5,903	10,56	85,76	0,1		1,43	2,15		
17	2712/77	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,141	9,78	85,7	0,05		2,47	2		
18	2712/77	Бляшка	С кольцом	Кольцо		11,04	85,47	0,04		2,11	1,34		
19	2712/94	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,080	9,32	85,21	0,18	2	2,12	1,17		
20	2712/12	Бляшка	Сердцевидная		1,97	11,41	85,15			1,32	2,12		

№	Опись	Название предмета	Тип предмета	Часть предмета	Вес предмета	Cu	Ag	Au	Sn	Pb	Zn	Sb	Fe
21	2712/196	Бляшка	С зооморфным орнаментом			8,39	85,06	0,13	4,64	1,54	0,24		
22	2712/70	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 5,874	11,78	84,84	0,05		1,36	1,97		
23	2712/84	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,167	11,87	84,68	0,05		1,36	2,04		
24	2712/21	Бляшка	Сердцевидная		2,172	13,59	84,18	0,2		1,42	0,6		
25	2712/66	Бляшка	С кольцом	Кольцо		12,07	84,14			1,78	2,01		
26	2712/73	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 5,968	12,33	84			1,28	2,39		
27	2712/66	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,254	13,02	83,73	0,04		1,52	1,69		
28	2712/5	Бляшка	С отверстием		3,406	14,91	82,76	0,11		1,05	1,17		
29	2712/40	Бляшка	Сердцевидная		2,214	14,39	82,46	0,06		1,58	1,51		
30	2712/18	Бляшка	Сердцевидная		1,938	14,83	82,19	0,1		1,42	1,46		
31	2712/104	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,675	12,07	82,04	0,16	2,31	1,47	1,95		
32	2712/105	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,247	12,88	81,54	0,13	1,73	1,54	2,18		
33	2712/112	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 6,032	12,4	81,52			1,85	4,23		
34	2712/215	Бляшка	С павлином			5,19	81,42	0,1	6,13	7,16			
35	2712/138	Накладка седла			0,107	16,03	81,35	0,14	0,48	1,61	0,39		
36	2712/101	Бляшка	С кольцом	Пластина	Общий – 5,897	12,63	80,37	0,15	3,03	2,44	1,38		
37	2712/163	Накладка седла			1,148	14,64	80,36	0,22	0,96	2,52	1,3		
38	2712/43	Бляшка	Сердцевидная		2,618	15,39	80,35	0,13		1,7	2,43		
39	2712/160	Накладка седла			0,547	18,81	79,75			0,75	0,69		

№	Опись	Название предмета	Тип предмета	Часть предмета	Вес предмета	Cu	Ag	Au	Sn	Pb	Zn	Sb	Fe
40	2712/2	Наконечник			10,838	14,59	79,19	0,05		1,6	4,57		
41	2712/4	Пряжка		Щиток		12,66	78,74	0,16	4,27	1,99	2,45		
42	2712/122	Накладка седла			0,92	16,07	78,28	0,42	2,6	1,6	0,67	0,36	
43	2712/3	Наконечник			10,408	14,52	76,52	0,03		1,31	7,61		
44	2712/4	Пряжка		Рамка	Общий – 13,819	14,86	76,46	0,09	4,01	1,77	2,42	0,39	
45	2712/214	Бляшка	С павлином			4,48	67,51	0,26	16,09	10,93		0,73	
46	2712/159	Накладка седла			0,432	26,67	66,82	0,36	1,95	2,81	1,39		
47	2712/181	Бляшка	С зооморфным орнаментом	Штифт		27,35	59,93		7,38	1,43	3,72	0,19	
48	2712/215	Бляшка	С павлином	Заполнение		4,04	8,55		29,66	54,39	0,45		2,91
49	2712/214	Бляшка	С павлином	Заполнение		4,97	0,48		46,71	46,71		0,43	

45

Список сокращений

- АКР – Археологическая карта России
- АО – Археологические открытия
- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии Российского археологического общества
- ИАК – Известия императорской Археологической комиссии
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МАР – Материалы по археологии России
- МГУ – Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- СА – Советская археология
- AE – Archaeologiai értesítő. Budapest
- SHM – Stockholm Historiska Museet

Содержание

Введение	3
Состав клада	6
Удила и псалии	7
Украшения оголовья	12
Бляшки с зооморфным орнаментом	12
Бляшки с птицами	15
Поясные накладки	16
Бляшки с кольцом	16
Сердцевидные бляшки	20
Бляшка с прорезью	20
Пряжка	21
Наконечники	22
Седло	24
Супрутский «бестиарий»	28
Химический состав металла	30
Датировка клада	34
Владелец клада	35
Характер клада	37
Заключение	38
Литература	40
<i>Приложение</i>	43
Список сокращений	46

Научное издание
ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Выпуск 175

Мурашева Вероника Владиславовна

СУПРУТСКИЙ КЛАД

Из раскопок 1969 г.

Научно-издательский отдел ГИМ
Заведующий *Д.И.Соловьев*
Редактор *Л.И.Тормозова*
Корректор *Е.А.Князева*
Художник *С.Богаченко*
Фотографы *В.А.Мочуговский, С.А.Авдусина*
Компьютерные работы: *Е.А.Говорова*
Верстка: *А.А.Фейн*
Оформление обложки: *А.А.Фейн*

Подписано в печать 20.10.08. Формат 60 x 90 1/8
Бумага офсетная и мелованная. Печать офсетная
Гарнитура Petersburg. Печ. л. 3,00. Уч.-изд. л. 5,02
Тираж 500 экз.

ФГУК «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»
109012, Москва, Красная площадь, д.1

Отпечатано в типографии ООО «Унопринт»
Москва, Измайловское шоссе, 44

Мурашева Вероника Владиславовна, кандидат исторических наук, окончила исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (кафедру археологии). Заведующая сектором средневековой археологии Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. Автор более 50 печатных работ по проблемам археологии Древней Руси эпохи образования государства (IX–XI вв.), среди которых монография «Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.)». С 1995 г. возглавляет

Смоленскую экспедицию Государственного Исторического музея. Лауреат премии имени И.Е.Забелина за 2002 г.

